

ИБИС

Альманах
№ 21

- Этика
- Эзотерика
- Литература
- Философия
- Медицина
- Наука

В Древнем Египте один из аспектов бога Тота изображался с головой птицы ибис, с пером и табличкой писца, и птица ибис стала считаться священным писцом богов, записывавшим мысли, слова и деяния людей и взвешивавшим их на весах. В дальнейшем она стала символом мудрости бога Тота, его проницательности и чистоты.

Треугольные крылья ибиса символизируют первую геометрическую фигуру и триипостасность тайны. Ибис также символизирует человеческий аспект бога Тота — Гермеса Трисмегиста.

*Редактор,
бывший жрец храма Амона-Ра
в Древнем Египте при Тутанхамоне,
бывший первосвященник Дании и Швеции,
бывший священнослужитель монастыря в Пиренеях,
бывший священник католического костёла в Польше,
и прочая*

Содержание:

№ файла

● 1-я страница обложки	01
● 2-я страница обложки	02
● Эпиграф к журналу	03
● Сначала прочтите это	04
● Настоящая литература! Продолжение повести Анат. Рыбакова "Прах и пепел" — о временах сталинизма	05
● Теософский словарь	06
● Сатирофантазия Татьяны ТОЛСТОЙ "Кысь": о нашем времени и ближайшем будущем?.. (продолжение)	07
● Сатирофантазия Бруно ЯСЕНСКОГО "Нос" (окончание)	08
● "Альтист Данилов" (продолжение)	09
● Продолжение "Альтиста Данилова" — "Шеврикука, или Любовь к привидениям"	10
● Стихотворение	11
● Цитата номера	12
● Философема	13
● 3-я страница обложки	14
● 4-я страница обложки	15

**"Самого себя как целого
можно достичь только если
полностью понимаешь, что
обычный мир — это просто
точка зрения, независимо от
того, принадлежит ли она
обычному человеку или магу.**

*** * ***

**После целой жизни
борьбы я знаю, что по-
настоящему важным является
не просто научиться новому
описанию мира, но прибыть к
нему целым: следует прибыть
к нагуалю, не покалечив
тоналя, и превыше всего — не
покалечив своего тела."**

Дон Хуан
*(К. Кастанеда,
"Сказки о силе")*

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ:

Каждой рубрике журнала обычно соответствует её постоянная картинка, расположенная слева от названия и в той или иной степени отражающая содержание этой рубрики. Например, изображение автомобиля скорой помощи придано рубрике "Медицина", изображение строения атома — рубрике "Наука", и так далее. (Но иногда названия рубрики вынесены в верхний колонтитул и картинку имеют стандартную — трёхлепестковое пламя над чашей.) Поэтому если вместо картинки при рубрике вы увидите что-то другое, значит, стоящая на Вашем компьютере версия Виндоуза или Ворда не та, или таких рисунков в Вашей машине нет, или что-то ещё, и т.п. Мы, со своей стороны, всё проверяем — и не хуже военной приёмки...

Ниже примеры стандартных рисунков при стандартных рубриках, которые (то есть рисунки) могут быть не видны: № 1 — золотой христианский крест; № 2 — красный автомобиль скорой помощи.

№ 1:

№ 2:

Также в папке FONTS прилагаем применённые нами шрифты и советуем их загрузить в папку FONTS Вашего Виндоуза.

Желаем чёткой работы.

Анатолий РЫБАКОВ

Прах и пепел

Повесть о временах сталинизма

От редакции.

Вниманию читателей предлагается НАСТОЯЩЕЕ произведение, созданное НАСТОЯЩИМ писателем и НАСТОЯЩИМ интеллигентом, и уж кстати — настоящим москвичом. Анатолий Наумович Рыбаков известен по многим написанным им прекрасным книгам, начиная от "Кортика" и кончая "Детьми Арбата". В данном произведении продолжают наряду с другими действовать уже ставшие взрослыми персонажи "Детей Арбата".

Москвич с Чистых Прудов

Перед отъездом Шпигельглас передал Шароку связь с Марком Григорьевичем Зборовским - агентом по кличке "Макс", он же "Тюльпан". Шпигельглас спешил, но настолько важной была фигура "Макса" - Зборовского, что Шпигельглас посчитал необходимым собственным присутствием закрепить этот контакт. Зборовский был личным секретарем, доверенным лицом и ближайшим другом сына Троцкого - Льва Седова, выпускавшего в Париже "Бюллетень оппозиции" и работавшего над созданием IV Интернационала.

То, что Шпигельглас давно охотится за Троцким, не вызывало у Шарока никакого сомнения. В свое время Шпигельглас опирался в этом деле на Скоблина и ближайшего скоблинского друга в Болгарии генерала Туркула. Убийство Троцкого белогвардейцами выглядело бы акцией возмездия за поражение в гражданской войне. И люди Миллера и Драгомирова принимали в этом участие, когда Троцкий из Турции переехал в Европу. Но сорвалось. Не получилось.

В Мексике же, где Троцкий обосновался с января 1937 года, русских эмигрантов-белогвардейцев нет. Марк Зборовский оставался единственным человеком, способным через сына проникнуть в окружение отца. А пока он был ценным источником

информации. Лев Седов доверял ему все, вплоть до своей личной переписки с отцом, в письмах они называли Зборовского Этьеном. О степени доверия говорило такое письмо Льва Седова отцу: "Во время моего отсутствия меня будет заменять Этьен, который находится со мной в самой тесной связи и заслуживает абсолютного доверия во всех отношениях". Копию этого письма, как и всех прочих писем сына к отцу и отца к сыну, Зборовский передал Шароку. Таким образом, в Москве были осведомлены о каждом шаге Троцкого и его сторонников. В информации Лев Седов именовался "сынок", Троцкий - "старик".

Зборовский понравился Шароку: интеллигентный, молчаливый еврей с ясным открытым взглядом и неторопливыми движениями, родился в 1908 году в Умани, на Украине, потом жил в Польше, был членом польской компартии, год отсидел в польской тюрьме, уехал с женой в Берлин, затем в Париж, в 1933 году его завербовали. В Советском Союзе остались сестра и два брата.

При следующем свидании Зборовский передал Шароку материалы о подготовке конгресса троцкистского IV Интернационала со списками и адресами ожидаемых делегатов, передал копии последних писем Седова Троцкому и Троцкого Седову. Как и при первой встрече, движения Зборовского были неторопливы, взгляд ясный и открытый, это не болтливый Третьяков, не заносчивый Скоблин,

не было в нем и самоуверенности, которую не любил Шарок в поляках; он производил впечатление человека внешне мягкого, но внутренне твердого, знающего себе цену. Никаких лишних разговоров. О гражданской супруге Седова - Жанне Мартен - Зборовский сказал, что отношения там по-прежнему сложные, Жанна - особа экзальтированная, хочет руководить и своим бывшим мужем, Раймоном Молинье, и новым мужем, Львом Седовым. Но Молинье от политической деятельности отошел, а со Львом Седовым Жанну связывает только воспитание Севы Волкова - внука Троцкого и племянника Седова, которого он усыновил после самоубийства своей сестры Зинаиды. Зборовский рассказывал об этом сдержанно, даже с некоторым сочувствием к Седову.

В общем, Шарок понимал, почему Седов доверяет Зборовскому. Такому человеку трудно не довериться. Конечно, если не знать, что за доверие Зборовский платит предательством, а за предательство получает деньги. Впрочем, работая пятый год в органах, Шарок ничему не удивлялся. Нет героев, нет подвижников, нет святых. Всех можно купить, продать, предать, сломить, сломать, запугать. От солдата до маршала, от простого работника до министра. В парижской газете Шарок, например, прочитал статью бывшего жандармского полковника о том, что товарищ Сталин, когда он именовался ещё Иосифом Джугашвили, был платным

осведомителем царской охраны по кличке "Фикус", и в статье приводились даже документы о сотрудничестве Джугашвили с жандармами. И Бурцев, великий разоблачитель провокаторов, утверждал в свое время, что в Центральном Комитете большевиков было два сотрудника царской охраны: одного Бурцев раскрыл - Малиновский, другого назвать не мог, но доказывал, что он существует. Теперь утверждение Бурцева подтвердил жандармский полковник и назвал имя провокатора - Сталин.

Верил ли этому Шарок? Почему не верить? Он-то служит советской охране, почему Сталин не мог служить царской? Шпионы, осведомители - все это существует, существовало и будет существовать тысячелетия. Никто на свете от такой работенки не гарантирован. Но ни с единым человеком Шарок эти статьи не обсуждал - не читал, не знает, не ведает, слыхом не слыхивал. Одно упоминание об этом может стоить головы. Во всем соблюдал осторожность. Как-то, передавая Шпигельгласу очередной "Бюллетень оппозиции", сказал: "Я этой блевотины даже читать не хочу". На что Шпигельглас ответил: "Нет, почему же, своих врагов надо знать". С такими рассуждениями Шпигельгласу несдобровать. И Троцкому несдобровать. Лучший друг его сына — наш агент. И сын, и отец ему доверяют, считают преданнейшим человеком, забыли, что слова "преданный" и "предатель" одного корня.

Доверять никому нельзя. Троцкий этого не понимает и потому погибнет. А товарищ Сталин понимает, не доверяет никому, всех истребляет вокруг себя, в этой мясорубке погибают предатели, — но, правда, погибают и преданные люди.

В конце января Зборовский сообщил Шароку, что Седов плохо себя чувствует, жалуется на боли в животе. Конечно, живот может заболеть у каждого, но при этом сообщении что-то мелькнуло в глазах Зборовского, как-то по-особенному прозвучал его голос. Шарок понял - известие чрезвычайной важности, такая ситуация заранее оговорена - и шифровкой в Москву информировали Шпигельгласа. Тот приказал о здоровье "сынка" докладывать ежедневно, завтра же в Париж прибудет "Алексей", Шароку следует организовать встречу "Алексея" с "Максом", но самому в ней участия не принимать.

"Алексея" Шарок видел как-то мельком, в Москве, на Лубянке. Его тогда удивило, что этот незначительный с виду человек, бывший боксер, так хорошо владеет французским. Почему так хорошо владеет, стало понятно, когда Шарок узнал, что "Алексей" входит в группу, руководимую Яковом Исаковичем Серебрянским.

Выполняя поручения своего тогдашнего шефа, Шарок был однажды у Серебрянского дома, в особняке на Гоголевском бульваре,

познакомился с его женой Полиной Натановной. Лицо значительное. Глаза умные. "С биографией тетя", - уважительно подумал Шарок. Уже на улице, перебирая свои впечатления, решил, что Серебрянский похож на римского патриция. Среднего роста, плотный, черты лица крупные. Много позже Шарок узнал, что Серебрянский, бывший эсер, руководит в их учреждении группой специальных поручений, то есть акциями похищений и ликвидации противников. Сотрудников этой группы чекисты за глаза называли "Яшины ребята". "Алексей" был из этой группы, так что о цели его приезда догадаться было нетрудно.

После свидания со Зборовским "Алексей" тут же исчез. Зборовский остался на связи с Шароком и вскоре сообщил, что Седову стало совсем плохо, его положили в больницу на Rue Narcisse Dias под именем господина Мартена (по фамилии Жанны). Доступ к нему имели только Жанна и Зборовский. Теперь сообщения от Зборовского поступали ежедневно. Шарок передавал их в Москву. Восьмого февраля Седову удалили аппендикс, операция прошла успешно. Девятого, десятого, одиннадцатого, двенадцатого, тринадцатого состояние больного было хорошим: ходит по палате. Четырнадцатого - новое сообщение: накануне вечером у Седова неожиданно начались галлюцинации. Он бегал по клинике, кричал что-то по-русски, упал на диван в кабинете директора. Ему сделали повторное переливание

крови, но спасти не удалось. Шестнадцатого февраля, находясь в состоянии комы, Седов скончался. Вскрытие ничего не показало. Да оно и не могло ничего показать. Переданный "Алексеем" препарат был неизвестен французским врачам, действие его вызывало смерть только на десятый день. Порошок был всыпан в еду перед отправкой Седова в больницу.

(продолжение предполагается)

ТЕОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ

УКАЗАТЕЛЬ ТЕОСОФСКИХ ПОНЯТИЙ К "ТАЙНОЙ ДОКТРИНЕ"

Составлен Дж. Мидом

*Перевод с английского А.П. Хейдока**

Перевод осуществлен по изданиям:

1. H.P. Blavatsky. The Secret Doctrine. Ind. to vols. 1 and 2. -- London ets., Theosophical publ., 1895.
2. H.P. Blavatsky. The Theosophical glossary. -- London, 1892.

От редактора. Этот огромный словарь мы продолжаем публиковать в том виде, в каком его получили, то есть со всеми имеющимися ошибками (исправить их — гигантская работа...) и невозможностью удовлетворительно оформить текст. Мы также намеренно печатаем его мелким шрифтом, чтобы читатель не упрекнул нас, что журнал мы заполняем не статьями современных авторов по практически нужным вопросам (как обещали), а неинтересным для многих материалом. Кроме того, так как исходный язык английский, то в публикуемом переводе (а) строгое алфавитное расположение терминов по-русски невозможно, и (б) вклиниваются термины на совсем другие буквы. Поэтому рекомендуем читать всё подряд. Желаем успеха.

* Продолжение. Начало в № 5.

ПЕРИОД МАНТР (Санскр.) Один из четырех периодов, на которые подразделена ведийская литература.

МАНТРА ШАСТРА (Санскр.) Брахманистские писания по оккультной науке заклинаний.

МАНТРА ТАНТРА ШАСТРЫ (Санскр.) Сочинения о заклинаниях, но особенно - о магии.

МАНТРЫ (Санскр.) Стихи из ведийских сочинений, употреблявшиеся в качестве заклинаний и магических формул. Под Мантрами подразумеваются все те части Вед, который отличаются от "Брахман", или их толкования.

МАНТРИКА ШАКТИ (Санскр.) Сила или оккультная мощь мистических слов, звуков, чисел или букв в этих Мантрах.

МАНДЖУШРИ (Тибет.) Бог Мудрости. В Эзотерической философии определенный Дхиан Коган.

МАНУ (Санскр.) Великий индийский законодатель. Это имя происходит от санскритского корня ман, "мыслитель"; на самом деле - человечество (mankind), но относится к Сваямбхуве, первому из Ману, который возник от Сваямбху, "самосущего", поэтому - Логос и прародитель человечества. Ману является первым Законодателем, почти Божественным Существом.

МАНУ СВАЯМБХУВА (Санскр.) Небесный человек, Адам-Кадмон, синтез четырнадцати Ману.

МАНУ (Manus) (Санскр.) Четырнадцать Ману являются покровителями или стражами расовых циклов в Манвантаре, или Дне Брамь. Изначальных Ману семеро, четырнадцатью они становятся в "Пуранах".

МАНУШИ или Мануши Будды (Санскр.) Человеческие Будды, Бодхисаттвы, или воплощенные Дхиан Коганы.

МАНВАНТАРА (Санскр.) Период проявления, в противоположность Праляе (растворению, или покою), относится к различным циклам,

особенно ко Дню Брамь в 4 320 000 000 Солнечных лет, и ко времени царствования одного Ману - 308 448 000 лет. (См. "Тайная Доктрина", т. II, с. 88 и след.) Букв., Мануантара - между Ману.

МАКОМ (Халд.) "Сокровенное место", во фразеологии "Зохара", скрытый участок, относящийся ли к священному алтарю во храме, к "Утробе Мира" ли, к человеческому ли лону. Каббалистический термин.

МАРА (Санскр.) Бог Искушения, Соблазнитель, который пытался отвлечь Будду от его Пути. Он назван "Разрушителем" и "Смертью" (Души). Одно из названий Камы, Бога любви.

МАРАБУТ Магометанский паломник, побывавший в Мекке, святой. После его смерти тело его помещается в открытую гробницу, построенную на земле, подобно другим зданиям, но посредине улиц и публичных мест населенных городов. Их помещают в маленькую и единственную комнату внутри гробницы (несколько таких публичных саркофагов из кирпича и извести по сей день можно увидеть на улицах и площадях Каира), и поклонение прохожих поддерживает светильник постоянно горящим у его изголовья. Гробницы некоторых марабутов весьма прославлены вследствие чудес, которые якобы там происходят.

МАРКИОНИТЫ Древняя гностическая сета, основанная Маркионом, который был искренним христианином, до тех пор пока догмы человеческого происхождения не начали искажать чисто трансцендентальные и метафизические концепции и первоначальные верования ранних христиан. Именно такими и были верования Маркиона. Он отрицал исторические факты (сейчас находимые в Евангелиях) Христова Рождения, воплощения и страстей, а также и воскресение тела Иисуса, заявляя, что такие утверждения были просто огрублением метафизических аллегорий и символизма, и вырождением истинной духовной идеи. Наряду со всеми другими гностиками, Маркион обвинял "Отцов Церкви", как жалуется сам Ириней, в "приспосабливании своих (христианских) доктрин к способностям их слушателей, путем выдумывания бессмыслиц для слепых в соответствии с их слепотой, для глупых - в соответствии с их глупостью, для заблуждающихся в соответствии с их заблуждениями".

МАРГА (Санскр.) "Путь", Аштханга марга, святой или священный путь, есть тот, который ведет к Нирване. Восьмиричный путь возник от семиричного, добавлением (теперь) первого из восьми Марг, что есть "обладание ортодоксальными воззрениями", с чем истинный йогачарья не имел бы ничего общего.

МАРИЧИ (Санскр.) Один из "разумом-рожденных" сынов Браммы в "Пуранах". Браминь делают из него олицетворенный свет, родителя Сурьи, Солнца, и прямого предка Махакашьяпы. Северные буддисты Школы Йогачарья видят в Маричи - Дэва, Бодхисаттву, тогда как китайские буддисты (особенно даоисты) превратили это понятие в Царицу Неба, богиню света, владычицу солнца и луны. У благочестивых, но неграмотных буддистов очень могущественна ее магическая формула "Ом Маричи сваха". Говоря о Маричи, Эйтель упоминает Джорджи, который разъясняет это название как "китайскую транскрипцию имени святой Девы Марии" (II). Так как Маричи является главным среди Марутов и одним из семи первичных Риши, то предполагаемая этимология кажется немного натянутой.

МАРИША (Санскр.) Дочь Мудреца Канды и Прамлочи, апсары-демона с небес Индры. Она была матерью Дакши. Аллегория, относящаяся к Тайне Второй и Третьей человеческих Рас.

МАРТИНИСТЫ Общество во Франции, основанное крупным мистиком по имени маркиз де Сен Мартен, учеником Мартинеза Пасквали. Оно было вначале учреждено в Лионе в виде оккультного масонского Общества; члены его верили в возможность общения с Планетарными Духами и второстепенными Богами, и гениями надземных Сфер. Луи Клод де Сен Мартен, родившийся в 1743 г., начал жизнь как блестящий офицер армии, но оставил это, чтобы посвятить себя учебе и belles lettres, и закончил свою карьеру, став страстным теософом и учеником Якоба Беме. Он старался вернуть Масонству его первоначальный характер Оккультизма и Теургии, но потерпел неудачу. Вначале его "Очищающий Ритуал" состоял из десяти степеней, но благодаря изучению первоначальных масонских порядков, их число было уменьшено до семи. Масоны жалуются, что он ввел некоторые идеи и принял ритуалы, "не совпадающие с археологической историей Масонства"; но так поступали до него Калиостро и Сен Жермен, так же как и все те, кто хорошо знал происхождение Франкмасонства.

МАРТАНДА (Санскр.) Ведийское название Солнца.

МАРУТ ДЖИВЫ (Санскр.) Монады Адептов, которые достигли конечного освобождения, но предпочитают воплощаться на земле ради Человечества. Однако, их не следует смешивать с Нирманакаями, которые намного выше.

МАРУТЫ (Санскр.) У востоковедов - Боги Грозы, но в "Веде" нечто очень мистическое. В эзотерических учениях, так как они воплощаются в каждом круге, они просто идентичны с некоторыми

Агнишватта Питри, Человеческими разумными Эго. Отсюда - аллегория о Шиве, превращающем частицы плоти в мальчиков и называющим их Марутами, чтобы показать бесчувственных людей, преобразованных через превращение в Проводников Питри или Марутов Огня, и таким образом - в разумных существ.

МАСБЕН (Халд.) Масонский термин, означающий "Солнце в разложении". Имеет прямое отношение - возможно, забытое масонами - к их "Слову при Нижнем Дыхании".

МАШ-МАК По преданию - слово атлантов четвертой Расы для обозначения таинственного Космического огня или, скорее, Силы, которая, как утверждалось, могла в один миг стереть в порошок целые города и разрушить мир.

МАЗОРА (Евр.) Это название в первую очередь относится к своду примечаний - разъясняющих, грамматических и критических, встречающихся на полях древнееврейских рукописей или свитков Ветхого Завета. Эти мазореты назывались также мелхитами.

МАЗОРЕТСКИЕ ТОЧКИ или Гласные (Евр.) Или, как эта система теперь называется, Мазора, от Massoreh или Massoreth - "предание", и Masar - "передавать". Раввины, занимавшиеся Мазорой, названные вследствие этого мазоритами, были также изобретателями мазоретских точек, которые, как полагают, придали безгласным словам Священных Писаний их правильное произношение добавлением к согласным точек, представляющих гласные. Это было изобретением ученых и хитроумных раввинов из Тиверийской Школы (в девятом веке нашей эры), которые этим придали совершенно новую конструкцию главным словам и именам в Книгах Моисея, и таким образом еще более запутали эту путаницу. Истина такова, что эта система лишь прибавила дополнительные маскировки к уже существовавшим в "Пятикнижии" и других трудах.

МАСТАБА (Егип.) Верхняя часть египетской могилы, которая, говорят египтологи, всегда состояла из трех частей, а именно: (1) Мастаба, или мемориальная часовня на земле, (2) Яма от двадцати до девяноста футов глубиной, которая через проход вела в (3) Погребальное Помещение, где стоял Саркофаг, содержащий мумию, погруженную в свой многовековой сон. Когда последнюю погребали, яма засыпалась и вход в нее маскировался. Так говорят востоковеды, подразделяющие место последнего отдохновения мумии по почти таким же принципам, как теологи - человека: на тело, душу и дух или разум. На самом же деле эти могилы древних были символичны, подобно остальным их священным сооружениям, и этот

символизм прямо указывает на семеричное деление человека. Но со смертью этот порядок становится обратным; и, в то время как Мастаба с ее сценами повседневной жизни, нарисованными на стенах, с ее столом жертвоприношений Ларве, призраку, или "Линга Шарире", была мемориалом, возведенным двум Принципам и Жизни, которая оставила то, что было низшим трио на земле, - Яма, Проход, Погребальные Помещения и мумия в Саркофаге были объективными символами, воздвигнутыми двумя тленными "принципами", личному разуму и Каме, и трем нетленным, высшей Триаде, теперь слитой в одно. Это "Одно" было Духом Блаженного, теперь отдыхающего в Счастливой Сфере Анру.

МАТАРИ СВАН (Санскр.) Воздушное существо, в "Риг-Веде" изображенное приносящим агни или огонь для Бхригус, названных "Потребителями" и описанных востоковедами как "класс мифических существ, принадлежащих к средней или воздушной группе богов". В Оккультизме Бхригус суть просто "саламандры" розенкрейцеров и каббалистов.

МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ В Спиритуализме это слово означает объективное появление так называемых "Духов" умерших, которые временами снова облачают в материю, т.е. создают для себя из материалов, находящихся в атмосфере и эманациях присутствующих, временное тело, имеющее человеческое подобие умершего, каким он выглядел при жизни. Теософы признают феномен "материализации"; но они отклоняют теорию, что это совершается "Духами", т.е. бессмертными принципами развоплощенных личностей. (См. "Камадхату", "Камалока" и "Камарупа".) Поскольку Камалока находится на земном плане и отличается от его степени материальности лишь степенью своего плана сознания, из-за чего она сокрыта от нашего обыкновенного взгляда, случайное появление таких оболочек столь же естественно, как и появление электрических шаров и других атмосферных феноменов. Электричество как флюид или атомическая материя (ибо теософы вместе с Максвеллом считают, что оно действительно атомично), хотя и невидимое, постоянно присутствует в воздухе и проявляется в различных формах, но лишь тогда, когда имеются определенные условия для "материализации" этого флюида, когда тот переходит из своего собственного на наш план и становится объективным. Так же и с эйдолами умерших. Они присутствуют здесь, вокруг нас, но, будучи на другом плане видят нас не более, чем мы их. Но когда сильные желания живых людей и условия, созданные аномальной конструкцией медиумов, соединяются вместе, эти эйдолы привлекаются - даже выбиваются из своего плана вниз на наш и делаются объективными. Это есть Некромантия; это не приносит ничего хорошего умершему и причиняет огромный вред живым, к тому же это - вмешательство в закон природы. Случайная материализация "астральных тел" или двойников живых людей есть совсем другое дело. Эти "астралы" часто ошибочно принимаются за призраки

умерших, так как, подобно хамелеонам, наши собственные "элементарии", вместе с элементариями развоплащенных людей и космическими элементами, часто принимают вид тех образов, которые наиболее ярки в наших мыслях. Короче, на так называемых сеансах "материализации" именно присутствующие и медиум творят характерное сходство этих призраков. Независимые "призраки" принадлежат к иному виду психических феноменов материализации называются также "проявлениями форм" и "портретными статуями". Называть их материализовавшимися духами недопустимо, ибо они являются не духами, но оживленными портретными статуями, поистине.

МАТХАДХИПАТЫ (Санскр.) Руководители различных религиозных Братств в Индии, Верховные Жрецы в монастырях.

МАТРА (Санскр.) Кратчайший период времени, относящийся к длительности звуков, равный миганию глаза.

МАТРА (Санскр.) Долгота санскритского слога.

МАТРИПАДМА (Санскр.) Мать-логос; чрево Природы.

МАТРЫ (Санскр.) "Матери", божественные матери. Число их семь. Они являются женскими аспектами и силами богов.

МАТРОНЕТА (Евр., Каббал.) Идентична с Малкут, десятой Сефирой. Букв., Матрона есть "низшая мать".

МАТСЬЯ (Санскр.) "Рыба". Матсья аватар был одним из самых первых инкарнаций Вишну.

МАТСЬЯ ПУРАНА (Санскр.) Священное Писание или Пурана, повествующая об этой инкарнации.

МАЙА (Санскр.) Иллюзия; космическая сила, делающая возможным феноменальное существование и вследствие того - перцепции. В индуистской философии лишь то, что неизменно и вечно, называется реальностью; все то, что подвержено изменению через разложение и дифференциацию и что имеет, вследствие этого, начало и конец, считается майей - иллюзией.

МАЙА МОХА (Санскр.) Иллюзорная форма, принятая Вишну, чтобы ввести в заблуждение аскетических Дайтьев, которые становились чересчур святыми посредством аскетизма и поэтому слишком опасными своей мощью, как говорит "Вишну Пурана".

МАЙАВИ РУПА (Санскр.) "Иллюзорная форма"; "двойник" в эзотерической философии; доппелгенгер или perisprit, по-немецки и французски.

МАЙАВИЧЕСКИЙ УПАДХИ (Санскр.) Покрывало иллюзии, феноменальная внешность.

МАЗДЕЯНЕ От (Ахура) Мазда. (См. Шпигель, "Ясна", XI.) Это была древне-персидская знать, они поклонялись Ормазду и, отвергая идолов, заразили евреев тем же отвращением к любому конкретному изображению Божества. По-видимому, во время Геродота они были вытеснены приверженцами религии Магов. Парсы и геберы (геберим, могущественные люди из "Кн. Бытия", VI и X, 8), похоже, являются последователями религии Магов.

МАЗДИАСНЕЕЦ Зороастриец; букв., "поклоняющийся богу".

М'БУЛ (Евр.) "Воды потопа". Эзотерически - периодические излияния астральных нечистот на землю; периоды психических преступлений и беззаконий, или постоянных моральных катаклизмов.

МЕДИНИ (Санскр.) Земля, так названная от костного мозга (medas) двух демонов. Эти чудовища выскочили из уха спящего Вишну и готовились убить Брахму, лежащего на лотосе, растущего из пупка Вишну, когда бог Сохранения проснулся и умертвил их. Тела их, брошенные в море, образовали такое количество жира и костного мозга, что Нараяна использовал это для создания земли.

МЕГАКОСМ (Греч.) Мир Астрального света или, как объяснено запутавшимся масоном, "большой мир, не идентичный Макрокосму, Вселенной, а что-то между ним и Микрокосмом, малым миром", или человеком.

МЕХЕН (Египет.) В народных мифах - великий змий, представляющий низшую атмосферу. В Оккультизме - мир Астрального света, символически названный Космическим Драконом и Змием. (См. труды Элифаса Леви, который называл этот свет le Serpent du Mal, и другими именами, приписывая ему все злые воздействия на землю.)

МЕЛЕК (Евр.) Букв., "Царь". Титул Сефиры Тиферет, V, или вау, в тетраграмматоне - сын или Микропросопус (Меньший Лик).

МЕЛХИ (Санскр.) Класс богов огня или саламандры.

МЕМРАБ (Евр.) В Каббале "голос воли", т.е. коллективные силы природы в действии, названные еврейскими каббалистами "Словом" или Логосом.

МЕНДЕЯНЕ (Греч.) Их называют также сабеянами или христианами Св. Иоанна. Последнее есть абсурд, так как, согласно всем свидетельствам и даже их собственному, они не имеют вообще ничего общего с Христианством, к которому они питают отвращение. Современная секта мендеян широко распространена по всей Малой Азии и в других местах, и правильно считается некоторыми востоковедами непосредственными уцелевшими остатками гностиков. Ибо, как разъяснено в "Dictionnaire des Apocryphes" аббата Минье (ст. "Le Code Nazarean" vulgairement appelle "Livre d'Adam"), мендеяне (по-французски пишется Mandaites, что произносится как Mandai) "собственно означает науку, знание или Гнозис. Таким образом, это эквивалент гностиков" (ibid., сноска на с. 3). Как показывает цитированное выше сочинение, несмотря на то, что многие путешественники говорили о секте, последователи которой именуются по-разному - сабеянами, христианами Св. Иоанна и мендеянами, и распространены вокруг Шат-Этараба у слияния Тигра и Евфрата (главным образом - в Бассоре, Ховейзе, Корне и т.д.), именно Норберг первым указал на племя, принадлежащее к той же секте, обосновавшееся в Сирии. И оно является интереснейшим из всех. Это племя, численностью около 14000 или 15000, живет на расстоянии одного дня пути к востоку от Ливанской Горы, в основном - в Элмерке (Лата-Киех). Они называют себя без различия назареями и галилеянами, так как первоначально они пришли в Сирию из Галилеи. Они утверждают, что их религия является той же религией Св. Иоанна Крестителя и что она ничуть не изменилась с тех пор. В дни празднеств они носят одежду из верблюжьих кож, спят на верблюжьих шкурах и едят акриды и мед, как поступал их "Отец, Св. Иоанн Креститель". Однако, они называют Иисуса Христа обманщиком, фальшивым Мессией и Нэбсо (или планетой Меркурий в ее злом аспекте), и преподносят его как творение Духа "семи ко злу расположенных звезд" (или планет). См. "Кодекс Назареев", который является их Священным Писанием.

МЕНДЕС (Греч.) Название демона-козла, которому, по утверждению Римской Церкви, совершали поклонение тамплиеры и другие масоны. Но этот козел был мифом, созданный злобной фантазией odium theologicum. Подобного существа никогда не было, так же как и

поклонения ему у тамплиеров или их предшественников, гностиков. Бог Мендеса, или греческий Мендесий - наименование Нижнего Египта в дохристианские времена - был овеноголовый бог Аммон, живой и святой дух Ра, жизнедающего Солнца; и это ввело в заблуждение некоторых греческих авторов, утверждавших, что египтяне называли самого "козла" (или овено-голового бога) Мендесом. Аммон веками был главным божеством Египта, верховным богом; Амоун-Ра - "сокрытым богом", или Аменом (сокровенным), Саморожденным, который является своим собственным отцом и своим собственным сыном". Эзотерически он был Паном, богом природы или олицетворенной природой, и, вероятно, раздвоенное копыто козлоногого Пана содействовало заблуждению, что этот бог является козлом. Поскольку святилище Аммона находилось в Па-би-небтате, "обители Тата или Духа, Владыки Тата" (Биндеди в ассирийских надписях), греки вначале исказили это название как Бендес, а потом - Мендес, от "Мендесий". Это "ошибка" слишком хорошо служила церковным целям, чтобы быть отброшенной, даже когда была обнаружена.

МЕНСАМБУЛИЗМ (Лат.) Слово, созданное некоторыми французскими каббалистами для обозначения феномена "столо-вращения" от латинского *pensa*, стол.

МЕРАХА ФАТ (Евр.) Употребляется в отношении "дыхания" божественного Духа, когда он носится над водами пространства перед творением (см. "Сифра ди Ценпута").

МЕРКАВА или Меркаба (Евр.) Колесница: каббалисты говорят, что Верховный, после того как учредил Десять Сефиротов, использовал их как колесницу или трон славы, на котором нисходит на души людей.

МЕРОДАХ (Халд.) Бог Вавилона, Бэл более поздних времен. Он является сыном Давкины, богини низших сфер или земли, и Хэа, Бога Морей и Гадеса у востоковедов; но эзотерически и у аккадийцев - Великим Богом Мудрости, "кто воскрешает из мертвых". Хэа, Эа, Дагон или Оанн, и Меродах суть одно.

МЕРУ (Санскр.) Название горы, якобы находящейся в центре (или "пупе") земли, где расположена Сварга, Олимп индийцев. Она содержит "города" величайших богов и обители различных Дэв. В географическом значении, она есть неизвестная гора к северу от Гималаев. По преданию, Меру была "Страной Блаженства" самых ранних ведийских времен. Ее называют также Хемадри, "золотая гора", Ратнасану, "вершина драгоценного камня", Карникачала,

"гора лотоса", и Амарадри и Дэва-парвата, "гора богов".
Оккультные учения помещают ее в самый центр Северного Полюса, выделяя ее как место нахождения первого континента на нашей земле, после отвердения этого глобуса.

МЕШИА и Мешианэ (Зенд.) Адам и Ева зороастрийцев, в ранней системе персов; первая человеческая пара.

МЕСМЕР, Фридрих Антон. Знаменитый целитель, который вновь открыл и применил практически тот магнетический флюид в человеке, который называли животным магнетизмом, а с того времени - месмеризмом. Он родился в Швабене в 1734 г. и умер в 1815. Он был посвященным членом Братств "Fratres Lucis" и Лукшура (или Луксора), или египетского ответвления последнего. Именно совет "Луксора" избрал его - согласно указам "Великого Братства" - для действия в XVIII столетии в качестве их очередного первопроходца, посылаемого в последней четверти каждого столетия для просвещения небольшой части западных народов в оккультном знании. Именно Сен Жермен наблюдал за развитием событий в этом случае; а позднее Калиостро был послан для помощи, но после совершения ряда ошибок, более или менее роковых, он был отозван. Из этих трех людей, которые сперва считались шарлатанами, Месмер уже реабилитирован. Оправдание двух других последует в следующем столетии. Месмер основал в 1783 г. "Орден Всемирной Гармонии", в котором, как полагают, учили лишь животному магнетизму, но на самом деле в нем разъясняли учение Гиппократов, методы древних Асклепиев, Храмов Целения, и многие другие оккультные науки.

МЕТАТРОН (Евр.) Каббалистический "Принц Ликов", Разум Первой Сефиры, и предполагаемый руководитель Моисея. Числовое значение его 314, - такое же, как у титула божества "Шаддай", Всемогущий. Он есть также Ангел мира Бриа, и тот, кто вел израильтян через Пустыню, и поэтому то же, что "Господь Бог" Иегова. Это слово напоминает греческое слово метатрон или "близ Трона". (у.у.у.)

МЕТАМПСИХОЗ Продвижение души из одной стадии существования в другую. Символизирован и вульгарно воспринят, как перерождения в телах животных. Это термин, который вообще неправильно понят всеми классами европейского и американского общества, включая многих ученых. Метампсихоз следует относить лишь к животным. Каббалистическая аксиома "Камень становится растением, растение - животным, животное - человеком, человек - духом, а дух - богом" разъясняется в труде Ману "Манава-Дхарма-Шастра" и других брахманистских книгах.

МЕТИС (Греч.) Мудрость. Греческая теология соединила Метис - Божественную Мудрость, с Эросом - Божественной Любовью. Это слово, также, якобы составляет часть божества или идола тамплиеров - Бафомета, которое некоторые авторитеты производят от *Varhe*, крещение, и *Metis*, мудрость; тогда как другие утверждают, что этот идол представлял двух учителей, которых тамплиеры одинаково отвергали, а именно Папу и Магомета. (у.у.у.)

МИДГАРД (Сканд.) Огромный змей в "Эддах", грызущий корни Иггдразила - Древа Жизни и Вселенной в легенде древних скандинавов. Мидгард есть Мировой Змей Зла.

МИДРАТИМ (Евр.) "Древние" - то же, что "Пурана"; древние писания иудеев, так же как "Пураны" Индии называются "Древними" (Священными Писаниями.)

МИГМАР (Тибет.) Планета Марс.

МИМАНСА (Санскр.) Школа философии; одна из шести в Индии. Существуют две Мимансы, старая и новая. Первую, "Пурва-Мимансу", создал Джамини, а более позднюю или "Уттара-Мимансу" - один из Вьяс, - и теперь ее называют школой Веданты. Шанкарачарья был самым выдающимся апостолом последней. Школа Веданты является древнейшей из всех шести Даршана (букв., "проявлений"), но даже в отношении Пурва-Мимансы не допускают большей древности, как 500 лет до Р.Х. Востоковеды в своем пристрастии к абсурдной идее, что все эти школы возникли "благодаря греческому влиянию", для того, чтобы те соответствовали их теории, хотели бы приписать им еще более позднее происхождение. Шат-даршана (или Шесть Проявлений) имеют все одну общую отправную точку и утверждают, что *ex nihilo nihil fit*.

МИМИР (Сканд.) Молот грозы Тора (см. "Свастика"), сделанный для него Гномами; им этот Бог покорял как людей, так и богов. Тот же вид магического оружия, что и Агнейстра индусов, оружие огня.

ЗЕРКАЛО Лучистое Зеркало, *Aspaularia nera*, каббалистический термин, означает способность предвидения и прозорливости, прорицания, - каковую имел Моисей. Обыкновенные смертные имеют лишь *Aspaularia della nera* или Нелучистое Зеркало, - они лишь смутно видят в стекле: аналогичный символизм представляет понятия Древа Жизни и всего лишь Древа Знания. (у.у.у.)

МИШНА (Евр.) Древнейшая часть еврейского Талмуда или устного закона, состоящая из дополнительных предписаний для руководства евреев, с обильными комментариями. Содержание распределено в шести разделах, рассматривающих Семена, Празднества, Женщин, Вред, Священные Вещи и Очищение. Раввин Иуда Аунаси кодифицировал Мишну примерно в 140 г. н.э. (у.у.у.)

ОМЕЛА Это странное растение, растущее лишь как паразит на других деревьях, таких как яблоня и дуб, было мистическим растением в некоторых древних религиях, особенно в религии кельтских друидов: их жрецы срезали Омелу с большими церемониями в определенные времена года, и только специально освященным золотым ножом. Хислоп выдвигает в качестве религиозного объяснения то, что Омеле, являющейся Ветвью, растущей из Материнского древа, поклонялись как Божественной Ветви из Земного Древа, союзу божества и человечества. Это слово по-немецки означает "все-исцеляющий". Сравните с Золотой Ветвью в Энеиде Вергилия, VI, 12b, и "Ест. История." Плиния, XVII, 44. "Sacerdos candida veste cultus arborem scandit, falce aurea demetit." (у.у.у.)

МИТРА или Мифра (Перс.) Древнеиранское божество, бог солнца, о чем свидетельствует его голова льва. Это имя существует и в Индии и означает одну из форм солнца. Персидский Мифра, изгнавший из небес Ахримана, является своего рода Мессией, возвращения которого ожидают в качестве судьи людей, и он есть грехо-несущий бог, искупающий беззакония человечества. Как таковой, однако, он прямо связан с высшим Оккультизмом, учения которого излагались во время Мистерий Мифры, которые вследствие этого носили его имя.

МИТРА Головной убор религиозного сановника - как у римско-католического епископа: шапка, в верхней части оканчивающаяся двумя гребнями, похожая на голову рыбы с открытым ртом - os tincae, что ассоциировалось с Дагоном, вавилонским божеством - слово даг означает рыбу. Любопытно, что os uteri так называли в женской человеческой форме, и рыба связана с богиней Афродитой, которая появилась из моря. Любопытно также то, что древнехалдейские легенды говорят о религиозном учителе, вышедшем к ним из моря, которого звали Оанном и Аннедотом, - полу-рыбе, полу-человеке. (у.у.у.)

МИЗРАИМ (Египет.) Название Египта в очень древние времена. Сейчас это обозначение связано с Франкмасонством. См. ритуал Мизраима и ритуал Мемфиса в масонских энциклопедиях.

МЛЕЧЧХИ (Санскр.) Изгнанники. Название, даваемое всем иностранцам и не-арийцам.

МНЕВИС (Египет.) Бык Мневис, Сын Птаха и символ бога Солнца Ра, как Апис считался Озирисом в священной форме быка. Обитель его была в Гелиополе, Граде Солнца. Он был черным и нес на своих рогах священный урей и диск.

МОБЕДЫ (Зенд.) Жрецы парсов или зороастрийцев.

МОЙРА (Греч.) То же, что латинское *Fatum* - судьба, рок, сила, руководящая действиями, страданиями, жизнью и борениями людей. Но это не Карма, а лишь одна из ее сил-посредников.

МОКША (Санскр.) "Освобождение". То же, что Нирвана; посмертное состояние покоя и блаженства "Души-Странника".

МОНАДА (Греч.) Единство, один; но в Оккультизме это часто означает объединенную триаду, Атма-Буддхи-Манас, или дуаду, Атма-Буддхи, ту бессмертную часть человека, которая перевоплощается в низших царствах и постепенно продвигается через них к Человеку и затем к конечной цели - Нирване.

МОНАС (Греч.) То же, что и термин Монада; "Одинокый", единица. В пифагорейской системе дуада эманурует из высшего и единичного Монаса, являющегося, таким образом, "Перво-Причиной".

МОНОГЕНЕС (Греч.) Букв., "единородный", название Прозерпины и других богов и богинь.

(продолжение предполагается)

Татьяна ТОЛСТАЯ

Кысь

Copyright: Татьяна Никитична Толстая

Email: ttolstaya@hotmail.com

WWW: <http://www.tema.ru/rrr/litcafe/tolstaya/>

Толстая Т.Н., "Кысь". — Роман. — М., "Подкова";
"Иностранка", 2000. — 384 стр.

ISBN 5-8951701243 (Издательский Дом "Подкова")

ISBN 5-94145-001-X (Издательство "Иностранка")

УДК 300.36 ББК 15.56 йТ.

Содержание:

Аз	И краткое	Слово	Ер
Буки	И десятиричное	Твердо	Иры
Веди	Како	Ук	Ерь
Глаголь	Люди	Ферт	Ять
Добро	Мыслете	Хер	Фита
Есть	Наш	Ща	Ижица
Живете	Он	Ци	
Зело	Покой	Червь	
Иже	Рцы	Ша	

ЛЮДИ

Вот миновали февральские метели, грянули мартовские бури. Пролились небесные потоки, прошибли снег, будто кто его каменными гвоздями истыкал да исчернил. Где и земля показалась. Весь мусор прошлогодний всплыл - по всем улочкам, по всем подворьям. Побежали быстрые ручьи, пенистые да мутные, понесли мусор с пригорков в низины, вынесли вон из слободы, а наверху, глянь, уж лазурь проступила. Светлая такая, чистая, холодная, облачка по ней бегут быстрые, ветер веет, голые ветви мотает, весну торопит. Сыро так и светло; ежели руки в рукавицы не упрячешь - красные такие делаются; а хорошо, весело!

Земля под ногами чавкает, глина непролазная, ни тебе в санях, ни тебе в телеге, а мурзы все равно ездить желают, пешочком нипочем не пройдутся - не по чину. Вот смотришь, перерожденцы валенками глину месят, сани тащучи; из сил выбиваются, матюгаются, а сани ни с места. Мурза их кнутом! да еще! а они его по-матерному! - такой, право, гвалт стоит, одно слово: весна!

Потом, глядишь, опять подморозит, денек выпадет пронзительный, холодный; и снежок мелкой крупкой просыплется, и пузыри в окошках изморозью подернутся.

А пока Бенедикт в лихорадке лежал, Федор Кузьмич, слава ему, новый Указ сочинить изволил:

Указ

Вот как я есть Федор Кузьмич Каблуков, слава мне, Набольший Мурза, долгих лет мне жизни, Секлетарь и Академик и Герой и Мореплаватель и Плотник, и как я есть в непрестанной об людях заботе, приказываю.

Вот еще какое дело вспомнил совсем забыл с государственными делами замотавшись:

Восьмого Марта тоже Праздник Международный Женский День.

Энтот праздник не выходной.

Значит на работу выходить, но работать спустя рукава.

Женский День значит навроде Бабского Праздника.

В энтот день всем бабам почет и уважение как есть они Жена и Мать и Бабушка и Племянница или другая какая Пигалица малая всех уважать.

В энтот Праздник их не бить не колошматить ничего такого обычного чтоб не делать, а пущай она Жена и Мать и Бабушка и Племянница, или другая какая Пигалица малая с утра пораньше встанет пирогов напечет оладушков того-сего наваляет все чисто вымоет полы подметет лавки надраит воды с колодца наносит белье там исподнее али верхнее намочит-настирает у

кого коврики али половички пушай все хорошо выколотит а то я вас знаю пылишша в избе хоть нос зажимай. Дров пушай нарубит баньку растопит помоется как следоват. Стол накроет побогаче блины горкой закусь всякая может с Нового Года чего недоедено все на стол тащи.

С работы придя проздравить Жену и Мать и Бабушку и Племянницу или другую какую Пигалицу малую с Международным Женским Днем.

Сказать: "Желаю вам Жена и Мать и Бабушка и Племянница или другая какая Пигалица малая счастья в жизни успехов в работе мирного неба над головой".

Всякую бабу, хоть Соседка хоть кто такими же словами вежливо проздравлять.

Опосля пей-гуляй, ешь что хочешь веселись, но в меру.

Каблуков

Вот точно, Бенедикт так и знал, большой он по бабскому делу ходок, Федор Кузьмич, слава ему. На работе бабы сидят предовольные: никто им слова худого не скажет, не пнет, ни тебе заушин, ни затрещин, всякий проздравляет. Варвара Лукинишна на шейку-то бусы надела. Оленька вся в лентах. Даже Ксения-сирота какой-то кружавчик из суровых ниток навертела и на

темечко пришилила. Такие все раскрасавицы, - хоть сейчас портки долой да шутки с ними шути.

А еще что придумали: вербных веток нарвали да в горшок с водой вторнули; в избе тепло, листики-то и распустились. Может, оно и своеволие, а только ихний день, и все тут. И Шакал Демьянычу на стол тоже горшок с ветками поставили было, да только он его сбросил на пол: ничего в Указе про вербу не указано.

Шакал Демьяныч Указы все наизусть знает и любит. Даже старые, с незапамятных времен: вот, скажем, чтоб выходной был в воскресенье. Все и так знают, что воскресенье - это воскресенье, ни один голубчик нипочем работать не будет, хоть его режь. Казалось бы: чего ж тут указывать, бересту тратить? Не-ет, это вот подход негосударственный.

А государственный подход - это чтоб строго-настрого указать, чтоб выходной ни Боже мой не в субботу случался, ни Боже мой не в пятницу, ни

Боже мой не в четверг, ни Боже мой не в среду, ни Боже мой не во вторник, ни Боже мой не в понедельник. Так укажут, - и так и будет, потому как на то и государство, его же сила и слава и власть земная, во веки веков, аминь.

Шакал Демьяныча никто особенно не любит. Да и кто мурзу любить может? Разве что баба его, ну, детушки малые, а так никто. А не для того он и

предназначен, мурза, чтоб его любить. А он для того предназначен, чтоб порядок был. Списки работников наблюдать. Чернила выдавать. Бересту. Вычеты за прогулы, за пьянство, али пороть кого - вот для чего. А без мурзы нельзя, без мурзы мы все перепутаем.

Ну вот, к примеру. По-простому ежели рассуждать. Майский Выходной, - он случается в мае, а стало быть Октябрьский Выходной - в октябре? Ан и нет! Октябрьский Выходной - в ноябре! Не будь мурзы, слышь, все бы голубчики, весь Федор-Кузьмичск так бы пьяные и провалялись весь октябрь-то месяц!

А многие дивятся: отчего бы это Октябрьский Выходной, - да в ноябре? А опять-таки, подход у них негосударственный! А потому он в ноябре, что в октябре погода обычно хорошая, ни снега, ничего. Воздух такой крепкий, палым листом пахнет, солнышко долго светит, небо, чать, голубое. Голубчики, кто ходячий, сами, без Указа, на улицу выходят, - кто за ржавью отправился, кто хворосту из лесу принести, кто последнюю репу выкапывать. Красота! Ясность в природе.

А в ноябре как зарядят дожди, как зарядят, как зарядят, - и-и-и-и-и-и! - мутно так между небом и землей, и на душе мутно! Крыша течет, если худая; холодом, сыростью в пазы дует. Заткнешь окно тряпицей, к печи поближе притулишься, а не то на лежанке дремлешь, и плачется что-то, все плачется! Прошло лето красное, не воротишь, - словно бы сама жизнь

прошла, развеялась радость пылью дорожной! Отворишь от окна тряпицу, глянуть, - а на улице никогошеньки, ничегошеньки, только дождь крутит да в лужи бьет. Да тучи рваные. Голубчики, даже из самых глупых, в такую погоду нипочем из дому по своей воле носа не высунут.

Вот в такой день, когда все тут, все по домам, никуда не разбрелись, никого ни в лесу, ни в поле не позабыли, - в такой день и назначают Октябрьский Выходной. Всем голубчикам, и здоровым, и увечным, велено из дома выходить на главную площадь, где дозорная башня, и по шестеро в ряд, с песнями, пройтись. А с дозорной башни мурзы будут на голубчиков глядеть и всех их по головам пересчитывать. Потому что надо ж знать, сколько у нас народу, и сколько бляшек нарезать для уплаты, и сколько добра в Складской День выдавать, и скольких можно на дорожные работы привлечь, если не увечные, и все такое. И народная мудрость тоже говорит: цыплят по осени считают. А когда всех пересчитают, то, конечно, можно по домам, пей-гуляй, веселись, что хочешь делай, но в меру. Это вот и есть подход государственный.

А в какой точно день Октябрьский Выходной назначить, - это уж начальство думает, на то оно и начальство. Они в терему сидят, на небо смотрят, за погодой наблюдают, про себя рассуждают: вчера, думают, было, вроде, рано, а завтра - кто его знает, может, и поздно, а

сегодня, думают, в аккурат тот самый день. Гнать всех на пересчет.

Эти все дела Шакал и знает, такая ему должность.

Ознакомил Бенедикта с Указом:

- Извольте проздравлять.

Бенедикт выучил проздравление: прочел, еще прочел; в потолок глядя, повторил; потом по бересте проверил, потом глаза зажмурил и еще раз прошептал, чтоб уж накрепко. Варваре Лукинишне все вежливо сказал:

- Желаю вам Жена и Мать и Бабушка и Племянница или другая какая Пигалица малая счастья в жизни успехов в работе мирного неба над головой.

Васюк Ушастый локти растопырил и из своего угла тревожно слушал: все ли правильно Бенедикт говорит, все ли по Указу.

Варвара Лукинишна вся красная стала: приятно ей такие слова слышать.

- Ах, милый, спасибо. А вот приходите ко мне сегодня вечером: у меня суп сварен.

- Сегодня-то? Не знаю...

- Орешки остались... Мышь запеку.

- Уж я и не знаю...

- Мышь - свежайшая.

Бенедикт колебался.

- Приходите... Я вам кое-что покажу... по секрету.

Вот какая баба настырная. Она и в сарафане страшна, а если одежду скинет да секрет показывать будет, так оно, небось, и вовсе: шапку хватить да и в двери? Но, конечно, оно заманчиво... Мало ли...

- Право, заходите... Об искусстве поговорим... Я знаю, вы способны тонко чувствовать... У вас, мне кажется, огромный потенциал.

Потупила свой глазик единственный. О, какая... Бенедикт даже вспотел. Какие разговоры волнующие... Прямо на работе...

- Да уж не маленький... Жалоб не поступало... Все чувствую тонко... А вы откуда знаете?.. Какой у меня пуденциал?

- Ну... этого же не скроешь...

- Сболтнул кто?

- Да, мы часто о вас говорим... в своем кругу, знаете... высказываем мнения... Все согласны: у вас прекрасное развитие...

- О?!..

- Да... От вас можно многого ожидать.

- Хм... Что за круг-то у вас?

- Свои люди... близкие. Вы с некоторыми знакомы.

Так он и думал. Бабы!.. Сядут в кружок да давай разговоры разговаривать про свои бабские дела. Кто, да с кем, да когда. И Бенедикта обсуждали! Хвалили!..

- ...открываем друг другу свои маленькие секреты, - шептала Варвара Лукинишна. - Делимся.

?!?! Эка! Вон как у них заведено! Понятно... что ж... люди одинокие...

- Много вас там? В кругу-то?

- О, небольшая группа, человек шесть... Нечасто удается собраться, но общение очень интенсивное, тесное...

- Вшестером-то, конечно, тесно... это вы на полу али как?

- Зачем, кто где...

- Как же вы тогда...

- Как размещаемся? Ну, конечно, избушка у меня миниатюрная, слов нет, это правда. Когда все соберутся, поверите ли, иногда буквально на головах друг у друга сидим!

- Ага... Я приду, - быстро сказал Бенедикт. - Приду, ждите.

Так!.. Срочно надо баньку растопить, помыться, потом ржави жбан прихватить, - не с пустыми же руками в дом, - потом... потом видно будет. Ой, что будет!.. Сейчас всех проздравить - и домой; Шакал ничего не скажет, - указано: работать спустя рукава. Бенедикт откланялся Ксене-сироте:

- Желаю вам Жена и Мать и Бабушка и Племянница или другая какая Пигалица малая счастья в жизни успехов в работе мирного неба над головой.

Обрадовалась.

- Уж сколько раз сегодня слышу, а все приятно! Вот бы каждый день так!

Шакал на нее из своего угла покосился: своеволие выражает. А сказать-то и нечего: сегодня велено только проздравлять, а не обижать, ничего. Завтра ей врежет, надо думать.

- Приходите вечером на мои оладьи.

- Занят.

- Ах, как жалко. Оладьи у меня такие пышные!

- Не сомневаюсь.

И эта туда же: намекает. Оладьи у нее, вишь, пышные!.. А что если и туда и сюда?.. В два конца обернуться?.. А Оленька со своего тубарета посматривает... Надо Оленьку проздравить. С другими-то разговор легко шел, а с Оленькой как-то боязно стало: оробел, коленки ослабели. Подсел к Оленьке, пробормотал:

- Желаю вам Жена и Мать и Бабушка и Племянница или другая какая Пигалица малая счастья в жизни успехов в работе мирного неба над головой.

А Оленька тихо так засмеялась:

- Какая же я вам жена?..

- Так в Указе...

- А без Указу?..

Бенедикт опять вспотел: вот он, Женский День, Бабский Праздник, вот к чему все это клонится-

то... Ай да Федор Кузьмич, слава ему... Вот она его сейчас на блины позовет...

- ...без Указу, значит, нет счастья в жизни?

- Оленька... Оленька, хочу счастья в жизни без Указу...

- Ну дак?..

- Предлагаю вам руку, сердце и пуденциал, - прошептал Бенедикт. Сам от себя таких слов прекрасных, страшных не ждал: вырвалось.

- Беру, - прошептала и Оленька.

- Берете?!..

- Беру... Я все беру...

Помолчали... Что еще надо говорить... Сердце-то так и прыгало... Ой, решился!.. Решился! Ну и день сегодня!

Федору Кузьмичу - слава!

Прощай, значит, жизнь холостая! Недолго и погуляли, Бенедикт Карпыч! Ну и хорошо! Надо остепеняться. Бенедикт домой бежал бегом: еще рано, угли в печи не остыли, набрать да и баньку растопить... Эвона: с прошлого года не мылся! По новому, конечно, стилю. Раньше Первого Января новый год считали, по старинке,

а теперь перенесли, вот и получается... Бежал, бабам встречным кланялся, - непривычно, а надо. Проздравление выкрикивал. Всем желал счастья

в жизни. Мимо Никита Иваныч семенил, бревно тащил, - и ему, в шутку, крикнул: "Мирного неба над головой, Никита Иваныч! Чтоб ни дождичка, ничего!" - старик даже передернулся, обернулся, плюнул оземь. А-а, думает: Бенедикт его за бабу принял!.. А это просто шутка!

Оленька в другой слободе живет... не в нашей... Мы вон где, а она - эвон где. Договорено на Майский Выходной к ней в гости: с родителями знакомиться. Дай-то Бог, погоды будут хорошие, светлые... Мирного неба над головой!.. Не то, что сегодня: грязь, и дождичек моросит...

Пробежал мимо завязших саней: безнадега в такую погоду ездить. На обочине перерожденцы мохнатые: тройка. Отдыхают, валенки скинули, ржавь покуривают, вслед голубчикам зубоскальничают. Увидели Бенедикта, заржали:

- Убежим от инфаркта!..

- Не догоню, так согреюсь!

- Давай быстрее, гараж закроют!

Твари бессовестные. Пристают к людям. А отлаиваться - себе дороже: ругань у них

покрепше нашей. Никто с ними не связывается, с перерожденцами.

С горки на горку, по переулочкам, где и огородами, где под плетень пролезть, путь сократить, - добежал до дому, засовы посбрасывал, скорей в избу, печную заслонку рванул: тлеет! Тлеет, голубчик! Успел! Сейчас ржавки туда, полешек, щепочек; вздуть огонь, пущай играет; а как заиграет, так и в баньку его перетащить. Да воды наносить, да веник прошлогодний вроде в сарае валялся, да мочалка совсем новая где-то тут... была тут где-то... Вот был бы сейчас женат, прибежал бы с работы, - а все уж приготовлено, пауки выметены, веник распарен. Да, но только женатому по бабам-то не очень сподручно... "Ты куда это, Бенедикт, на ночь глядя?" - "Да тут... надо мне... об искусстве поговорить..." - "Знаем мы!.. Ишь!.. Искусник нашелся!.." И веником его, веником... Нешто он с Оленькой драться будет? Не-ет, все у них будет по-хорошему, а иначе зачем.

Да, придешь - все приготовлено, а только той свободы уж не будет. Ну и пусть. Зато жена красавица! А свобода - что ж... Вот он сейчас свободен, а мочалки не видать, - неужели украли? Ан нет, опять повезло: нашлась мочалка

в баньке под камнем; заплесневела малость, зато нашлась. Что за день сегодня: все ладится.

Вот попарился всласть. Всего себя мочалкой растер, веничком докрасна исхлестал,

обсмотрел себя со всех сторон, куда глаза хватало: красавец! Случись сейчас сосед какой, загляни он в окошечко, - позавидовал бы. Бенедикт даже сам себе позавидовал. Немудрено, что бабы его хвалят: "Прекрасное развитие, много от вас ожидаем!" Ожидайте, сейчас оботрусь - и к вам. А что ж, все шестеро соберутся али как?.. Ничего, Бог даст, управлюсь! На головах сидят... эка!

Угли сгреб в кучку: так, может, дольше продержатся. Но до утра - вряд ли. Хотя ведь у Варварки угольков набрать можно. Но только зачем? - утром все равно на работу. Эх, суета, пустые хлопоты! Бенедикт опять разбросал угли: не дай Бог, пожар. С этим огнем ведь как: погаснет он, - ложись и помирай; разгорится не в меру, - все пожрет, уничтожит, как и не было ничего! Он такой, огонь-то! Он норовистый. Он пищи требует, он, как все равно человек, всегда голодный. Все дай да дай! А перекормишь его - он тебя же и съест.

А как у кого пожар случится, голубчики сбегаются отовсюду, со всех слобод; и с самых дальних концов другой раз бегут. Соберется толпа агромаднейшая, как все равно на Октябрьский Выходной. Обступят дом, что горит, стоят, на грудях руки сложивши, смотрят... Молчат, али перешептываются: "ишь, как пламя столбом-то...", "смотри, вон, вон, с угла занимается!.." А пламя и правда, рвется, мечется, не то что столбом, а, сказать, деревом каким, вот как Окаян-дерево по весне: пляшет и

гудит, крутит и клубится, а с места не сойдет. Обернешься на голубчиков: стоят, глаза раскрывши, и в глазах тоже огонь пляшет, отражается, как в воде какой, переплескивается. Вот у толпы глаз-то тыща, да в каждом вода с огнем плещет, словно заря на реке; дико так на душе станет, право! никогда вода с огнем не сходится, а тут вона, сошлись!

А если Прежние рядом случатся, - они бегают, за голову хватаются, кричат: "Тушите! Тушите пожар!" - а как? Как его потушишь-то? Это малое пламя ведерком зальешь, а если огонь свою силу показал, - все. Жди до конца.

Ежели другие избы не займутся, - хорошо. Вот как огонь все поест, ложиться начнет, засыпать, - голубчики двинутся с ведрами, да с горшками, кто с чем, угольки набирать, себе в дом тащить. Может, у них и без того печь теплая, - неважно. Не пропадать же добру.

А иной раз вся слобода выгорит. Что ж! - начинай жить сначала.

Мытый, сам себе приятный, постучался к Варваре. Открыла нарядная, вся вспотевши.

- Ах! Это вы. Как мило. Что это? Ржавь? Ну зачем вы трудились...

Посмотрел по сторонам: баловниц еще не было. Подождем. Стол накрыт. Миски - две, да ложки - две. Супу горшок.

- Вы присаживайтесь. Я сейчас.

Вытащила из печи противень с мышами.

- Вроде пропеклись...

- А вы лучинкой их потыкайте.

- Верно... В самый раз. Свежие, сегодня ловила.

- Чудно.

Налили ржави. Закусили.

- Ваше здоровье.

Еще налили. Хорошо пошла.

- Какая чудная ваша ржавь. С букетом.

- А это я знаю, где брать .

- А где вы берете, если не секрет?

- А на трясине. За кохинорской слободой.

- Где Садовое Кольцо?

- Ну да.

- В какую даль вы ходите!

- Но дак. Зато и ржавь знатная.

- Надо мне тоже туда наведаться.

Бабы все не шли. Бенедикт кашлянул вежливо, в кулак.

- Гости-то подойдут, ай нет?

- Нет, я не решилась...

- А обещали?..

- Я подумала... вот... лучше я вам сперва открою свой секрет наедине... Не знаю, как вы воспримете... волнуясь...

- Да я вроде тоже...

- Я не знаю, способны ли вы оценить...

- Способен, - сказал Бенедикт, но не был уверен, что способен.

- Ну хорошо... Но это секрет. Вы, конечно, никому...

- Да-да.

- Ну, закройте глаза.

Бенедикт закрыл глаза. Варвара зашуршала. Стукнуло что-то. Опять шорох. Бенедикт приоткрыл один глаз и стал подглядывать. Но ничего еще не было, вроде, готово, - только от свечи плясали тени на бревнах, - и он опять зажмурился.

- Пора-не-пора, - выхожу со двора-а! - пропел Бенедикт.

- Да погодите вы... Какой нетерпеливый...

- Мне невтерпеж, - соврал Бенедикт и в голос игривости подпустил. - Оч-чень даже невтерпеж.

Тут ему на колени тяжесть какая-то опустилась, легкая такая тяжесть, и плесенью пахло.

- Вот... Смотрите...

- Что это?!..

Коробка - не коробка, а вроде того; внутри листы беловатые, похоже на свежую бересту, но светлее; тонкие-претонкие, и будто мусорком присыпаны, али маком.

- Что это такое?!

- А вы ближе посмотрите!

Поднес к глазам. Мусорок такой ровненький... как нитки... смотрел, дивясьсь... Вдруг словно бы нитка распалась и по глазам ударила: "и свеча, при которой она читала полную тревог и обмана жизнь..." Ахнул: буквы! Точно, буквы! Написано мелко-мелко, до того уж аккуратно, и не коричневые, а черные... Послюнил палец, потер бересту: сразу протер дырку. Тонкая, бля!

- Осторожнее, попортите!

- Что это такое...

- Это книга... Старопечатная...

- А!!! - Бенедикт сорвался с тубарета, отбрасывая заразу. - Вы что!!! Заболею!

- Нет! Погодите! Да погодите вы!..

- Болезнь!..

- Нет!..

- Пустите!..

- Да сядьте! Сядьте! Я все объясню! Клянусь! - Варвара Лукинишна отдираала Бенедиктовы руки

от засовов, трясла гребешками. - Совершенно безопасно... Никита Иванович подтвердил!

- Он-то здесь каким боком?

- Он знает! Это он подарил!

Бенедикт притих, ослаб ногами, осел на тубарет, вытер нос рукавом, унимая дрожь. Никита Иванович. Начальство. И не заболел. Держал книгу - и не заболел...

- Безопасно... - шептала Варвара. - Вы знаете, он чудесный старик... такой знающий... Пояснил мне: совершенно безопасно, это просто суеверие... Знаете, когда Взрыв случился, это все считалось опасным, радиация... ну, вы слышали... Поэтому запрещалось. От книг - радиация...

- Их послушать, Прежних, так от всего - радиация, - дрожал Бенедикт. - Нет, тут другое что-то...

- Но Никита Иванович знает... У него есть... Если бы правда было опасно, он давно заболел бы, но вы же видите, он здоровее нас с вами...

- Зачем же... зачем же лечат?... - тьфу, тьфу, тьфу?..

- Это традиция, тьфу, тьфу, тьфу...

Оба постучали по дереву.

...Боже упаси, боже упаси. Я не болен, я не болен, нет, нет, нет. Не заболею, не заболею, нет, нет, нет. Не надо приезжать, не надо, не надо. В красных балахонах не надо приезжать, тьфу, тьфу, тьфу. Крюком меня не надо, нет, нет, нет.

- ...Он мне пояснил... считалось очень опасно, потому что бумага впитывает... вот мы с вами и переписываем, чтобы чисто, чтобы не опасно народному здоровью... но теперь уже все равно, двести лет прошло... Мы с вами старые книги переписываем, Бенедикт...

- Как старые? Это все Федор Кузьмич, слава ему...

- Нет... Это все разные люди писали, но все равно считается, что Федор Кузьмич. Я чувствовала, что тут что-то... Знаете, когда я его увидела, Федора Кузьмича, я ночь не спала... все думала, думала... Потом решилась, набралась смелости, пошла к Никите Иванычу. Мы долго говорили. ..

- Он мне ничего такого...

- Ах, Бенедикт, он своеобразный человек... Мы говорили о вас... Он хотел вам сказать, но не

**сразу... подготовить... Я знаю, это большой удар...
но, по-моему, лучше знать, чем бродить во тьме...**

Бенедикт сидел на тубарете, ссутулившись; мысли вразброд, в голове тупость. Может, он рано на работу вышел? Может, еще лихорадка не прошла? Что-то дрожь бьет. Или это после бани?.. К чему ж было умываться, когда не с кем целоваться...

- Ну и что теперь?

- Теперь? Ничего, просто теперь вы знаете.

- А зачем?

- Ну как... Я думала...

- А зачем думать? Я жить хочу.

- Но при чем здесь... Я тоже... но я хочу знать правду... если это возможно...

- "В великом знании многая печали"... Что ж, выходит, это тоже не Федор Кузьмич сочинил, слава ему?

- Наверно, нет.

- А кто?

- Я не знаю... Это у Прежних надо спрашивать.

Варвара Лукинишна подняла с полу старопечатную книгу, положила на стол, ручками погладила. Странно как-то и дико: такой ужас вблизи видеть.

- Все-таки: зачем вы трогаете... Если мы старые книги переписываем, дак и подождите, пока велено переписать будет... Тогда и в руки взять можно...

- Но когда еще... может быть, не скоро. А жизнь такая короткая, а я искусство просто обожаю... Это такая книга интересная!..

- Вы что ж - читаете ее?!

- А как же... Бенедикт, у людей много книг интересных... Хотите - я вам дам почитать?

- Нет!!! - шарахнулся Бенедикт.

- Да что вы так боитесь...

- Я пойду... Голова что-то...

- Подождите!..

Бенедикт вырвался, ссыпался с крыльца, под дождик, в раннюю сырую тьму. С глаз долой. Голова, и правда, что-то...

...Мартовский ветер шумел в верхушках деревьев, шуршал голыми прутьями, заячьими гнездами, еще чем-то неведомым, - кто же знает, что там возится, стонет, оживает по весне? Налетит ветер порывом, - зашепчется, занует в деревьях, осыплет голову дождевыми каплями. А то дикий крик сверху, с ветвей: весь передернешься, бросишься к забору поближе... Может, деревяница...

...Пузыри в окнах слабо мерцают, - голубчики свечи зажгли, суп хлебают... Переглядываются: у них может, тоже, старая книга под лежанкой припрятана... Двери запрем и достанем... Почитаем... А может, такая у каждого, а что?.. в этой избе... и в той... и вон в той, где помаргивает бледный свет, - свечка ли чадит, люди ли по горнице бродят, слабым смертным туловом огонь заслоняют; засовы пошевелият: крепко ли? - тянут с-под матраса, из вороха тряпиц, пселых людских лохмотьев книжицу... книгу... а он тут один, как дурак перепуганный... Один на весь город... Буквы такие черненькие, маленькие... страшно подумать даже...

Наверху все шумело, ныло. Ветер забирался в рукава, продувал насквозь. Бенедикт постоял у чужого забора, размышляя. Печеная мышь только аппетит раздражила. Есть охота. А у

него дома, в избе, и огня-то нет: затоптал, в гости собираючись. Думал, не пригодится. Вернуться, огня взять? Она даст, она добрая... Нет... Вернуться? - скрипучая дверь... тепло... белое обрадованное лицо блином, гребешки трясутся, торопливый шепот: сюда, сюда, у меня искусство... Вот сейчас, только плесень оботру... И свеча, при которой... полную тревог и обмана!.. Страх какой! "Страх, петля и яма", - Федор Кузьмич сочинил... Не Федор, говорит, Кузьмич, слава ему... Полную тревог... И обмана... Не Федор Кузьмич... Другой кто-то, невидимый, древний, лицо укрывший... Большой, наверное, белый и большой, бледный, старинный, давно вымерший, высотой с дерево, бородища до колен, глаза страшные... Сам страшный, стоит среди стволов, не пошевелится, только лицо воротит, а глазами все смотрит сквозь мартовский сумрак, шарит глазами-то, чтобы Бенедикта различить во мгле-то: где там Бенедикт-то, чего скрылся, чего привалился к забору, - а сердце в шее колотится, под язык подступает, уши глушит, - где Бенедикт, поди сюда, Бенедикт, чего сказать-то хочу, - да как выбросит руку, да корявым пальцем под ребра-то, со страшным криком деревяницы: "Мя-я-я-я-я-я-я-я!!!"

Стукнуло дверью чужой избы, - простой, домашний стук, жизнь простая стукнула дверью, пьяный говорок да смех в сумерках, знать гости у кого, праздник нынче, вот и вышли на крылечко, - по нужде ли по малой, али так, -

**воздуху свежего вдохнуть, жизнь прожить,
песню спеть, коту ногой наподдать!**

**Не заметили Бенедикта, оползшего под забор,
никому он не виден, и страшный древний
житель, что прочитал, а то написал, а то в тряпки
припрятал полную обмана книгу, не заметил его,
малого; как привиделся, так и сгинул, и нетути.**

**Домой. Темно у него в избе, пеплом пахнет, и
до свадьбы ещё далеко-далеко.**

(продолжение предполагается)

Бруно ЯСЕНСКИЙ

НОС

Автор(ы) произведения: Бруно ЯСЕНСКИЙ
Название произведения: Нос
Жанр, время, место создания: Повесть; 1936 г.
Ист. получения произведения: Бруно Ясенский
Избранные произведения в двух томах. Том первый. Государственное издательство Художественной Литературы, Москва, 1957 г.
Оформление художника Е. РАКУЗИНА
Редактор К. Платонова
Художественный редактор Ю. Боярский
Технический редактор В. Овсеенко
Корректор Р. Гольденберг
Автор(ы) (OCR) файла: Виктор Кузьмин
Редактор(ы) файла: Виктор Кузьмин
Название (кодировка) файла: yasn02W.doc
Дата (номер) редакции файла: May. 2001
Источник получения файла: viktor_irbis@mailru.com
Из коллекции Вадима Ершова: <http://lib.ru/~vgershov/>
Текст подготовил Ершов В. Г. Дата последней редакции: 17.05.2001
Сканировано по изданию: Бруно Ясенский, ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ДВУХ ТОМАХ. ТОМ I
Повесть написана в 1935 - 1936 годах. Впервые опубликована в газете "Известия", №№ 36, 37, 38 и 41 от 11, 12, 14 и 17 февраля 1936 года.
Печатается по тексту книги: Бруно Ясенский. "Нос". Повесть. Изд. "Советский писатель", М. 1936.
Сдано в набор 31/VII 1957 г Подписано к печати 13/IX 1957 г. А-06962. Бумага 60 X 92 1/16 - 27 печ. л. 27,12 уч-изд. л. + 1 вкл. = 27,17 л. Тираж 150 000 экз. Заказ № 741. Цена 9 р. 70 к. Гослитиздат Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.
Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности, 2-я типография "Печатный Двор" имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26
OCR В. Кузьмин. May. 2001. Проект "Старая фантастика" <http://sf.nm.ru>

* * *

- Господин профессор Калленбрук? - закартавил в трубку чей-то знакомый голос. - Добрый вечер! Говорит доктор Гиммельшток. Что это с вами сегодня? Почему вас нет в пивной Левенброй? Сидим без вас уже полтора часа. Наконец решили вам позвонить. Вы нездоровы?

- Я?.. То есть как это?.. - бормотал Калленбрук.

- Жаль, что вы не забежали на кружечку. Господин юстицрат Нольдтке был сегодня в ударе и рассказывал очень интересные вещи... Кстати, должен вас поздравить: ваша книга об эндогенных минус-вариантах еврейства очень понравилась вождю. Читал ее вчера в постели до двух часов ночи... Ну, когда же мы вас увидим? Завтра? Давайте обязательно. Есть много интересных новостей!.. Если успею, заеду к концу послушать ваш сегодняшний доклад...

Собеседник повесил трубку. Профессор Калленбрук еще несколько минут сидел в темноте с телефонной трубкой у уха. Потом ощупью повесил трубку на рычаг. Нашарил рукой выключатель. Вспыхнула настольная лампа. Щуря глаза от света, профессор оглядел свой старый, хорошо знакомый кабинет - письменный стол, телефон, пепельницу, ящик для сигар, разложенные на столе гранки:

"В противовес римскому носу и другим многочисленным разновидностям классического греко-нордического типа, семитический нос характеризует прежде всего заметная гипертрофия парных треугольных гиалиновых хрящей, образующая в сочетании с выдающейся горбинкой..."

Профессор Калленбрук одним прыжком вскочил из-за стола и подбежал к зеркалу. Шумный вздох облегчения сотряс его плотное тело.

Между мешковатых глаз, над усиками, коротко подстриженными по национальной моде, возвышался безукоризненно прямой, чуть утолщенный на конце нос Калленбруков. Строгость и чистота его арийских линий не могли вызвать никаких сомнений.

Профессор провел ладонью по лбу: "Пфуй! И как это человеку может поместиться подобная дрянь?" Он вернулся к столу, взглянул на номер "Фелькишер Беобахтер" с отчеркнутым красным карандашом объявлением:

"Сегодня, в 8 часов вечера, в "Клубе друзей воинствующей евгеники" профессор доктор Отто Калленбрук прочтет доклад на тему: "Семитический нос как один из наследственных минус-вариантов еврейства". После доклада - прения".

Профессор взглянул на часы: "Ай-ай-ай! Без десяти восемь!" — Берта! - позвал он, открывая дверь в коридор. - Берта! Дай мне мой черный сюртук и вели Мицци быстренько погреть стакан пива.

- Зажги верхний свет, Берта! - попросил профессор, беря сюртук из рук жены. Повязывая галстук, он искоса наблюдал в зеркало плавную поступь жены, медлительные движения ее полных рук, вытряхивающих из пепельницы окурки.

- Берта! - окликнул он ее, вкалывая булавку. - Представь себе на минуту такое невероятное положение: что бы ты сделала, если бы твой муж... - это, конечно, смешно и абсурдно, но предположим на минуту, - что бы ты сделала, если бы твой муж оказался евреем?

- У тебя всегда такие странные шутки, Отто!

- Ну, допустим на одну минуту, - настаивал супруг. - Что бы ты тогда сделала?

- Ну, конечно, я бы бросила его немедленно.

- И тебе ничуть не было бы жалко ни того, что у вас есть дети, ни тех долгих лет, которые вы прожили вместе?

- Какой ты чудной! С какой стати жалеть еврея!

- А куда же ты ушла бы от него? К господину регирунгсрату Освальду фон Вильдау? - не в состоянии заглушить в своем голосе злобные нотки, ехидно спросил Калленбрук.

**- Видишь, какой ты злой! - покраснела жена.
- Задаешь мне нелепые вопросы только затем, чтобы меня уколоть. Неужели всю жизнь ты будешь меня ревновать к господину фон Вильдау?**

**- Хе-хе! Я ведь шучу, - засмеялся профессор.
- Нечего обижаться.**

Он принужденно потрепал ее по щеке:

**- Ты ответила, как подобает истинной немке.
Ну, иди, пришли мне мое пиво.**

Он чувствовал раздражение, неизвестно почему нараставшее в нем к этой полной, дебелий женщине, матери трех его детей, и предпочитал остаться один.

- Папа, вот, пожалуйста, твое пиво! - тоненьким голоском доложил с порога младший отпрыск Калленбруков, семилетний Вилли, протягивая профессору на подносе дымящуюся

фарфоровую кружку.

Профессор растроганно погладил мальчика по белокурой головке и залпом осушил кружку.

- Папа, можно мне взять эту пустую коробку из-под сигар? - теребя на груди большой бант, спросил Вилли.

Профессор ласково кивнул головой.

- Вилли! - остановил он на пороге убегающего с коробкой мальчика. - Иди-ка сюда. Скажи мне, - ну, представь такой невероятный случай, - что бы ты сделал, если б вдруг твой отец оказался евреем?

Мальчик посмотрел на отца вопросительно, пряча за спиной коробку.

- Я бы позвал Фреда и Трудди, и мы бы его заманили во двор, а там мы бы его двинули по башке кочергой, а потом выбросили на помойку, - сказал он, не задумываясь, глядя на отца большими восторженными глазами.

Он все еще стоял, явно дожидаясь заслуженной награды, - после каждого удачного ответа отец обычно давал ему двадцать пфеннигов.

Но на этот раз отец был, видимо, рассеян. Вместо того чтобы дать сыну двадцать

пфеннигов, он просто сказал, даже не смотря в его сторону:

- Да, да, ты у меня молодец!..

И велел сбегать к Мицци - сказать, чтобы вызвали машину.

*** * ***

В "Клубе друзей воинствующей евгеники" было уже много элегантного народа. Пробиваясь на кафедру, профессор Калленбрук пожимал десятки дружеских рук. Все уже знали, какой блестящий отзыв дал о его книге сам вождь, и поздравлениям не было конца.

Профессор Калленбрук начал свой доклад с испытанной исторической остроты, проверенной на десятке аудиторий. Он заявил, что если ученый португальский еврей XVII века Исаак де ля Перейра (он сделал ударение на "Исаак") утверждал, будто бог создал арийцев и семитов не в один и тот же день, то он, Калленбрук, не находит на этот предмет особых возражений. Он даже готов согласиться с И-са-а-ком де ля Перейра, что арийцы были созданы на один день раньше семитов. Несомненно, бог устал после пяти дней непрерывного творчества, и раса, созданная им на шестой день, сотворена была уже из не особенно

доброкачественного материала, чем и объясняются низшие расовые свойства, унаследованные от предков сегодняшними евреями.

С присущей ему образностью он обрисовал перед аудиторией основные психологические черты еврейства как результат патологических мутаций, не выпадаваемых естественным отбором. Он указал на неопровержимо установленный Ленцем и Люксембургером факт большего отягощения евреев психическими болезнями по сравнению с представителями нордической расы. Сослался на Гутмана, считающего плоскостопие наследственно свойственным евреям. Когда же, наконец, он перешел к основной теме доклада, к семитическому носу и его влиянию на психологию еврейства, весь зал, как зачарованный, не спускал больше глаз с губ златоустого профессора.

Тогда случилось то, чего никто не ожидал и о чем долго еще в недоумении рассказывали друг другу слушатели этого необычайного доклада. Перейдя к описанию семитического носа с характерной для него горбинкой, в сочетании с гипертрофией парных треугольных хрящей, профессор вдруг ощупал собственный нос, осекся, побледнел и, схватившись за нос, со страшным криком "Ай-вэй!" бросился вон из зала.

В первую минуту все присутствующие приняли это за шутливое интермеццо. Потом

разнесся слух, что профессор, без пальто и шапки, выбежал на улицу и скрылся в неизвестном направлении.

Был устроен пятнадцатиминутный перерыв. Когда же спустя полчаса профессор не вернулся, среди публики пошли уже всякие толки, и во избежание нежелательных осложнений вечер был объявлен закрытым.

Обещанные прения не состоялись.

* * *

Здесь кончается странная история профессора Калленбрука. Как мы ни бились, нам не удалось узнать о дальнейших его судьбах ничего достоверного. Известия из национал-социалистической Германии проникали в эти годы весьма скудно. Что же касается несчастных случаев, приключившихся с членами правящей партии, то сведения о них хранились, как известно, в строжайшей тайне.

Из отрывочных и противоречивых отголосков, могущих иметь некоторое касательство к профессору Калленбруку, заслуживает внимания заметка, которая появилась в берлинских газетах как раз на второй день после доклада в "Клубе друзей воинствующей евгеники". По словам этой заметки, сторожа Тиргартена прошлой ночью захватили неизвестного пожилого господина, взобравшегося на дерево и топором

отрубавшего ветви с одной стороны. Задержанный проявлял признаки тихого помешательства.

В зарубежных немецких оппозиционных газетах вскоре после описанных событий появилось без комментариев коротенькое сообщение, что известный профессор-расист Отто Калленбрук, член национал-социалистической партии, после возвращения из научной командировки по двадцати трем концентрационным лагерям фашистской Германии сошел с ума.

Впрочем, в эти годы официальные германские государственные деятели и ученые, поборники закона об обязательной стерилизации, вроде Вильгельма Фрика (до него - социал-демократический депутат в рейхстаге А. Гротьян), считали общую сумму дефективных в том или ином отношении лиц в Германии равной трети всего ее населения, что составляло бы свыше двадцати миллионов людей³.

Более осторожный в подсчетах профессор Фридрих Ленц насчитывал их всего двенадцать миллионов⁴. Цифра эта относилась, правда, к годам, предшествующим установлению национал-социалистического режима, за время существования которого, судя по газетам и официальным данным, количество психически больных значительно увеличилось.

По словам доктора Фальтгаузера⁵, "чтобы удовлетворить нужду в психиатрических больницах, следовало бы предпринять такое

огромное строительство, призрак которого был бы в состоянии привести в ужас".

На взволнованное этими цифрами общественное мнение европейских стран очень успокаивающе подействовала великолепная работа германского статистика Г. Штеккера "Статистическое сопоставление разных профессий в отношении отягощения их психическими заболеваниями"⁶. Согласно этой статистике, процент первичных психических заболеваний для "дельцов, живущих на покое", составляет всего 1,6, для более беспокойной профессии рантье - 6,7, процент же просто неквалифицированных рабочих достигает 39,5.

Таким образом, по авторитетным заверениям Штеккера и других германских статистиков, подавляющая часть упомянутых двадцати миллионов складывалась из психически неполноценных пролетарских элементов, низкие расовые свойства которых делали их особенно подверженными психическим заболеваниям. Профессор доктор Отто Калленбрук, по всем данным, представлял в этой массе редкое исключение.

В секретной статистической сводке германской тайной полиции среди пятидесяти шести тысяч неизлечимых асоциальных элементов, шизофреников, эпилептиков и прочих, стерилизованных в 1934 году в концентрационных лагерях, психиатрических больницах и вспомогательных школах

Германии, фигурирует фамилия некоего Калленбрука. Однако вследствие отсутствия инициалов трудно установить, идет ли здесь речь именно о профессоре докторе Отто Калленбруке.

Если бы даже так и было, то, несмотря на общеизвестную привязанность авторов к своим героям, мы воздержались бы от возгласов протеста и возмущения, памятуя слова германского министра здравоохранения доктора Рейтера, которого любил цитировать Калленбрук:

"Необходимо отобрать здоровых и заботиться об их размножении. Больные же могут быть предоставлены самим себе - они только отягощают общество"⁷.

Для полноты сведений мы должны привести еще один, — к сожалению, непроверенный — слух, циркулировавший в свое время в медицинских кругах Берлина, будто профессор доктор Отто Калленбрук скончался от прогрессивного паралича.

Если встать на точку зрения такого научного авторитета, как Вестгоф, на оригинальное мнение которого все реже стали в последнее время ссылаться германские евгенисты, то нельзя отказать этой версии в большой доле правдоподобия. Как известно, Вестгоф придерживался мнения, что, чем выше живое существо продвинулось по лестнице развития, тем больше оно подвержено болезням. Признавая, в частности, прогрессивный паралич

одним из показателей духовной культуры, Вестгоф считал его особой привилегией и доказательством превосходства именно германской расы. По его мнению: "Все народы начинают страдать прогрессивным параличом по мере сношения с германцами. Даже у евреев частота прогрессивного паралича обусловлена тем же..."

КОНЕЦ

АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ

К любезностям Клавдии с Кармадоном Данилов решил не проявлять интереса. Их дело! Чего от Кармадона он не ожидал, так это подмигивания в дверях. Кармадон был из рода с традициями, имел приличные манеры, а тут - какое-то балаганное подмигивание! И явная нагловатость во взгляде, будто Кармадон - соблазнитель из Мытищ. Данилов подумал, что Кармадон, видно, нервничает, во что бы то ни стало желает истребить в себе Синтиин комплекс, возродить веру в свои мужские свойства, да вот боится худшего. Что же у него выйдет с Клавдией-то при робости?

Водопроводчик Коля все еще пел, заняв диван, и требовал, чтобы Данилов подыгрывал ему на скрипке. Николай Борисович Земский поднялся, кряхтя и лелея люмбаго, потянул Колю на выход - а ведь еще и не вся жидкость изошла из сосудов. И Земский был в смущении. На прощанье он сказал, что Данилов - шалун, не прошло и нескольких дней, а при нем - новая красивая женщина. "Неужели красивая?" -

спросил Данилов. "Очень, очень эффектная дама!" - покачал головой Земский.

Данилов вспомнил, что все его гости глядели на Клавдию ласково, с неким обожанием. "Неужто она производит впечатление?" - удивился Данилов. Сам он давно уже перестал замечать в Клавдии женщину. Теперь образ сегодняшней Клавдии возник в его голове, и он, оглядев Клавдию как бы со стороны, подумал, что она и впрямь недурна и лицом и телом и что Кармадона можно понять...

Не причинит ли отпускник ущерб Клавдии Петровне, беспокоиться Данилов не стал. Еще неизвестно, о ком следовало беспокоиться...

Путешествие на товарный двор не выходило из головы Данилова. Он гадал - совершили они уголовное деяние или же нет? Или же проучили Камчатскую экспедицию, беззаботно оставившую мерзнуть у стены ящики от вулкана Шивелуч? Гадал Данилов, гадал, потом вздохнул, и на глазах сторожа, бдевшего в тулупе и со свистком во рту, возле кирпичной стены возникли исчезнувшие было ящики с присыпавшим их снежком. Сторож тут же кивнул и задремал, пустив слюну в свисток. В стараниях ради науки Данилов поспешил и в спешке забыл, какие ящики с содержимым - подлинные, а какие - дубликаты. То ли наука получила на товарном дворе свою собственность, то ли Клавдия осталась при истинных научных ценностях. "А-а! Ладно!

Потом разберемся!" - махнул рукой Данилов. Кармадон вернулся в полночь.

Был он мрачен, не имел аппетита.

Молча разделся, лег на диван лицом к стене, притих. Упрямец Клементьев, починив к ночи электроорган, заиграл за стеной как бы с целым оркестром: "Зачем вы, девушки, красивых любите..." Кармадон проскрипел зубами, и инструмент Клементьева, похоже, рассыпался.

"День завтра будет не из легких", - подумал Данилов.

Встал Кармадон с утренними сигналами радио, сорок минут трудился с гантелями. Данилов нежиться себе не дал, а хотел бы понежиться. Только он вышел из ванной, как Кармадон предложил Данилову оформить его каникулярные бумаги, отпускное удостоверение и прогонные грамоты.

- Теперь же мы составим и список сувениров, - сказал Кармадон, - чтобы потом не забыть...

- Во сколько ты отбываешь?

- В двадцать четыре ноль-ноль...

- Под петухов? - уточнил Данилов.

- Да, - кивнул Кармадон. - Под петухов.

Говорил Кармадон деловито и как пан - писарю, а глаза у него стали холодные и, уж

точно, металлические. На замшевой куртке Кармадона появился круглый, с шоколадную медаль, значок - синий бык на черном фоне и слова "Ничто не слишком!". Значок этот Кармадон, видимо, намеревался увезти с собой. За чашкой кофе Данилов, еще не привыкший к сегодняшнему Кармадону, спросил, не излечился ли Кармадон от ран, нанесенных ему познанием? Кармадон жестко сказал, что этот разговор следует оставить. И вообще он попросил Данилова о событиях последних двух недель забыть. И забыть о его, Кармадона, разговорах, вызванных минутной слабостью. "Хорошо", - сказал Данилов, стал серьезным. Тут Кармадон добавил, видно, для того чтобы развеять все сомнения Данилова: каникулы для него, Кармадона, не прошли даром, он стал сильнее, переступил в себе через нечто важное и созрел для дел более значительных, нежели забавы с цивилизацией волопасов.

- Да, я чувствую в себе явный прилив сил, - сказал Кармадон.

Было похоже, что на этом его откровения Данилову закончились. Данилов опять ощутил себя чуть ли не стационарным зрителем, какому шубу следовало накидывать на плечи заезжего сановника. Он теперь и не знал, был у них с Кармадоном разговор о времени "Ч" или не был.

Данилов вдруг подумал, что Кармадон, возможно, приезжал и ни на какие не каникулы, а инспектором по его, Данилова, делу. От этой мысли он поначалу затрепетал, но тут же стал воинственным.

Данилов сел за письменный стол, принялся оформлять каникулярные бумаги Кармадона. Тут гость опять стал простым и, даже несколько заискивая перед Даниловым, попросил его все отметить как надо. А в кратком донесении о каникулах быть справедливым.

- Хорошо, - сухо сказал Данилов.

Кармадон - сначала на островах Сан-Томе и Принсипи, а затем в Панкратьевском районе - прихватил пять лишних земных суток, теперь из документов со словами "убыл", "прибыл" они исчезли. Синий бык вышел в донесении Данилова если не геройским, то во всяком случае достойным репутации Кармадона животным. Расписался Данилов на бумагах школьной ручкой сороковых годов, деревянной, тонкой, с пером рондо, бухгалтерия пасту и синие чернила не признавала. К местам для печати Данилов приложился разогретой над газовой плитой пластинкой браслета с буквой "Н". В прогонных грамотах Данилов подчеркнул вид топлива и систему ускорения. Теперь бумаги Кармадона были в порядке. Кармадон завернул их в несгораемый платок и прикрепил к штанам английской булавкой - плохо

выправленные или потерянные отчетные документы не одному из знакомых Данилова и Кармадона стоили карьеры.

- А если ты решил перейти к нам, - сказал Кармадон, - то расписываться тебе придется не чернилами...

- Я знаю... - Данилов быстро взглянул на Кармадона.

- Ты сегодня обещал объявить решение... Наш разговор остается в силе...

- Хорошо, - сказал Данилов, - но давай сначала закончим с твоими делами, а уж потом займемся моими...

"Значит, о моем деле он не забыл, - подумал Данилов. - Значит, и не инспектор он, а и вправду был на каникулах..." На душе у Данилова стало спокойнее. И чувства его к Кармадону потеплели. "Он - ничего, - решил Данилов, - а мрачный и важный - это потому что с женщинами ему не везет". Данилов чувствовал, что желает оттянуть решение своего дела хоть и до вечера, мало ли какие условия будут ему предложены, что огорчаться заранее?

- Теперь сувениры, - сказал Данилов.

- Да, сувениры...

С сувенирами положили так. Много времени на выбор подарков не тратить, а сейчас же составить их список. Потом отобранные вещи и явления Данилов в упакованном виде брался отправить Кармадону вдогонку. Или же параллельным с Кармадоном курсом. Список открыли девять меховых шапок и одна из верблюжьей шерсти. Попросил гость восемь ящиков с бутылками минеральной воды осетинского курорта Кармадон - для стариков. Затем в список внесли тепловоз Людиновского завода, Данилов хотел было выяснить, зачем он Кармадону, но тот замялся и покраснел. "Ладно", - сказал Данилов. Дальше пошли кинофильмы, в том числе с участием Синтии Кьюкомб. Захотелось Кармадону увезти на память копье странствующего рыцаря Резниковьеса, уже починенное. Внесли в список пять тонн жевательной резинки, Данилов прикинул, в каких странах брать ему резинку, подумал, что несколько пачек он непременно прикарманит и угостит Мишу Муравлева и еще кого-нибудь из детей. Кармадон настаивал на том, чтобы сувениром был отправлен полюбившийся ему комментатор фигурного катания, однако Данилов предположил, что тот уцепится за микрофон и никуда не улетит. Кармадон расстроился, но тут Данилов уговорил его заменить комментатора пространщиком из Марьинских бань дядей

Нариком, подававшим Кармадону простыню, однако вспомнил, что дядя Нарик - мусульманин, а они с Кармадоном - вовсе не джинны. В конце концов комментатор был компенсирован кометой Когоутека и леденцами на палочке "Синий бык". Кармадон попросил записать что-нибудь для демонических дам, и тут уж Данилов расстарался! Секциям, любезным женскому глазу, в парижских магазинах "Самаритен", "Монопри", "Призюник" предстояло оскудеть! И сгореть! "Надо бы и мне, - подумал Данилов, - при случае послать кое-что и кое-кому... Химеко и Анастасии - непременно! Хотя Анастасия от меня теперь ничего и не примет..." Данилов вздохнул. Еще в список вошли марки с олимпийским гашением, извержение вулкана Тятя, лекция Кудасова, распространенная в сети, и с ответами на записки, ломбардское кресло делового человека Ришара, вызвавшее отъезд быка Василия, веселый памятник Гоголю с бульвара, морская капуста в банках, четыре электрооргана, очередь за коврами у Москворецкого универмага, ростокинский акведук. Список протянулся еще на пятнадцать пунктов.

- Пока хватит, - сказал Данилов, - а к вечеру что-нибудь вспомним...

- Наверное, хватит.

Тут Данилов подумал, что ростокинским акведуком он распорядился напрасно. Его следует оставить на месте И вид он имеет красивый. И заслуги перед городом. Как-никак стоит двести лет. Захотел он заменить акведук открытым бассейном "Москва", от коего мокнут и тухнут картины с книгами, но и бассейн ему стало жалко.

Сувенирами Кармадон, казалось, был доволен, Данилова это порадовало. Однако опять Данилов уловил в себе желание угодить Кармадону, отчасти не бескорыстное. "А-а, ладно... - подумал Данилов, - последний день, а там опять стану сам собой..." Тут он сообразил, что не мешало бы в список сувениров вставить альт Альбани, вставить и забыть его отправить вместе с Кармадоном... "Нет, никогда, - сейчас же остановил себя Данилов. - Ишь хитрец какой!" - пригрозил он себе пальцем.

А Кармадон опять стал серьезным и надменным. Как и полагалось демону седьмой статьи. Видно, высокие мысли посетили его.

- У нас день впереди, - сказал Данилов. - Как ты предполагаешь провести его?

- В разгуле, - сказал Кармадон.

Но без предвкушения удовольствий сказал, а холодно, твердо, будто под разгулом понимал не персидские пляски и не битие зеркал, а прием снадобий и чтение источников. Или желал

показать, что он сам нынче себе хозяин и обойдется без провожатых и сотрапезников. Данилов опять почувствовал расстояние между ним и Кармадоном, пожалел о своей душевной простоте. "Ну и пусть гуляет, - подумал он, - хоть один, хоть с кем... Хоть с Клавдией!" У самого Данилова не было желания пускаться в разгул, а присутствовать при разгуле других, чтобы потом разводить гуляк на квартиры, - тем более! Но что он мог поделать?

- Сейчас придут Земский и водопроводчик, - сказал Кармадон, - и мы двинемся...

- Куда это? - спросил Данилов.

- В Павелецкий вокзал.

Однако первым пришел не Земский и не Коля, а Кудасов. Данилов полагал, что после вчерашнего происшествия Кудасов отсиживается где-нибудь в укрытии и уж его дом намерен обходить за пять верст. Усы Кудасова шевелились. Было видно, что Кудасов притянут на квартиру Данилова большими, хоть и смутными надеждами, вызванными сегодняшними затеями Кармадона. "Как он их почувствовал?" - удивился Данилов. Робок был Кудасов, нервен, что-то настораживало его и пугало, а вот словно какая страсть помимо воли Кудасова подхватила его и принесла сюда. "Может, Кармадон нарочно завлек Кудасова, -

подумал с опаской Данилов, - чтоб взять над ним и покуражиться?"

Уж больно пронзительные были глаза у Кармадона.

К двенадцати явились Земский и водопроводчик Коля. Оказалось, что они и договорились вчера о двенадцати часах. Правда, Коля все забыл. Но Земский помнил.

В ресторане Павелецкого вокзала взяли столик с шестью стульями. Распоряжался Кармадон. Его как бы провожали, пили за Иркутск и сибирские просторы. Хотя на этом вокзале пить полагалось бы за Тамбов и Саратов. После первых рюмок приبلудные друзья Кармадона захмелели быстрее, чем следовало бы, то ли от вчерашнего основания, то ли от воздуха Павелецкого вокзала. Данилов и вообще пить не желал, а тут, наблюдая некий неприятный холод в глазах Кармадона, намерен был держать себя в руках. Кармадон шепнул на ухо, властно шепнул:

- Данилов, не передергивай карты! Не старайся быть постнее других... Или я посчитаю, что ты мне не доверяешь, и обижусь!

Данилов сейчас и вправду не доверял Кармадону. Однако и не хотел, чтобы Кармадон был им недоволен. Наоборот, хотел, чтобы тот очень им был доволен. "Ну и ладно! - думал Данилов. - Ну, в его последний нонешний денечек, желания его исполню, и ладно... И

условия их приму... Что мне эта канцелярия, что та!" Данилов давно считал: следует всегда оставаться самим собой в главном, а в мелочах - уступать, мелочей много, они на виду, оттого-то и кажутся существенным, главное же - одно и в глубине, уступки в мелочах и создают видимость подчинения и прилежности. Пусть считают, что он послушный. Но он-то как был Данилов, так и будет им.

Потом сидели в ресторане Рижского вокзала, потом Курского. Когда и как увлекся Кармадон железнодорожной кухней, Данилов не знал, спросить же теперь об этом Кармадона было неудобно. Рижский ресторан оказался ничего. Курский же компанию возмутил - только что скатерти в нем были чистые. Дальше отчего-то кушали стоя в желтом буфете при станции Бутово. Кушали много с каких-то сверкающих легких тарелочек из фольги, все больше - варенные вкрутую яйца и селедку на черном хлебе. Запивали "Северным сиянием" и три шестьдесят двумя. Бутылки Кармадон брал с пола и будто бы из-под штанин. Бутовские любители интересовались, откуда водка в воскресный день, Данилов объяснял, что с платформы Катуар Савеловской дороги, там нынче торгуют. Любители тотчас бежали к электричкам, имея в виду платформу Катуар. И тут Данилов понял, что они впятером жуют шпроты уже не в Бутове, а в буфете станции Львовская. "Эдак мы скоро в Туле пряниками станем угощаться!" Потом были и пряники.

В глазах Кармадона и в его губах, когда он задумывался и не жевал, было что-то разбойничье, затаенное, было и высокомерие, и брезгливость была. Данилов понимал - следовало ждать от Кармадона какой-то выходки, уже не ухарской, а расчетливой, и как бы эта выходка кого не погубила! Однако когда Кармадон кушал железнодорожные угощения, пил "Сияние", он делал это с удовольствием и с таким аппетитом, так вкусно, что Кудасов, уж на что был гурман и привереда, а и тот, увлеченный азартом Андрея Ивановича, одно за другим проглатывал яйца вкрутую.

Пил Данилов поневоле, пил, но все же замечал, какими глазами Кармадон нынче глядел на женщин. Голодные это были глаза, жаждущие. В иные мгновения, особенно когда буфетчица плыла над пивной пеной положительной грудью, глаза Кармадона отражали страсти, волнение в кипучей крови. Многие женщины, попадавшие в поле зрения Кармадона, трогали его, но, пожалуй, буфетчицы и официантки - более всех. Все в натуре Кармадона, видно, так и требовало нынче упоения и реванша. Земский, казалось, был уже не здесь, а неизвестно где, но и то обратил на это внимание.

- Андрей Иванович! - толкнул он в бок Кармадона в буфете платформы Шарапова Охота. - Да вы не теряйтесь! И она на вас глазищи пялит! Вон уже и сыру лишний ломоть

вам на блюдец положила... Вы не робейте, а прямо и на штурм!

- Нет, - тихо сказал Кармадон, - она хороша... Но у меня нынче есть дама сердца. Она одна, и более никто... Но это потом, потом!

С той минуты он стал глядеть на женщин скромнее и прохладней. А Данилов почувствовал, что слова Земскому сказаны всерьез. "А впрочем, может, ему и впрямь с буфетчицы начать? Для разгону... - рассудил Данилов. Тут же он взволновался: - Какая же это такая дама сердца? Неужели Клавдия?" Что же, Клавдия умела любить, подумал Данилов с неожиданной нежностью к прежней жене.

Отчего-то Данилову стало тревожно. Но не из-за Клавдии.

Однако тут же в их прогулке началась такая кутерьма, такая полька-кадриль, такая катавасия, что и мыслям о женщинах в голове Данилова места не осталось. Может, именно это и был Кармадонов разгул - опять пили, опять кушали, опять пели и то куда-то ехали, а то стояли на месте. Ехали все больше в вагонах-ресторанах. А стояли опять в станционных буфетах возле пластмассовых столиков или просто у стен. "А что? - решил Данилов. - Давай-ка и напьюсь. Или хотя бы притворюсь пьяным. Если сегодня мне придется принимать условия и ставить подпись, я потом всегда смогу сказать, что был нетрезв. Я и свидетелей приведу!" Земский и водопроводчик Коля были

уже в блаженной невесомости, но на ногах держались, производили движения, иногда участвовали и в разговоре и уж, конечно, рты открывали по делу. Кудасов все еще шевелил усами и был, видимо, чем-то удивлен, неясные думы порой бродили в нем. Думы эти Кудасов гнал, набрасываясь на пищу, возникавшую вблизи него. И пища-то была одна - все те же шпроты на черном хлебе, ломтики селедки при вареных яйцах, корейка в черных и рыжих точках, куски вареной курицы с костями, которые раньше в птице не водились, фигурные пряники "подмосковные" булыжной твердости, сыры, словно бы из сплошной корки, правда, с дырочками, и пирожки с котлетой. В вагонах-ресторанах было приятней - и сидели, и куда-то ехали, то в одну сторону, то в другую, к сырам и сельди имели еще борщ в металлических мисках и рыбу хек с гречкой. А то и зеленый горошек. При этом Андрей Иванович опять так набрасывался на угощения, с такой жадностью уничтожал их, что и все в компании проявляли жадность к железнодорожной еде. Словно выросли в будке путевого обходчика. Шла какая-то сладкая жизнь! Один вагон-ресторан прекратил прием гостей из-за их компании, а продуктов в нём было захвачено до станции "Минеральные Воды". Оказалось, они в экспрессе "Самара", и там ресторан скоро вышел из строя. Закрылись и два Голубых Дуная на Казанской дороге. Данилову было удивительно: "Куда же это в него-то? Да и в нас?"

Ну ладно, Кармадон пусть... Дорвался заяц до капусты... Ему и надо... А мы-то что?" - Данилов покачал головой, но тут же проглотил вареное яйцо. А Кудасов - два. Мимо их буфета прошел приписанный к Подольскому мясокомбинату состав со свиньями. "Ну, сейчас одного вагона не досчитаются!" - подумал Данилов. Видно, догадка его была справедливой, в буфете тотчас же возникло множество тарелок с корейкой, в черных и рыжих точках, явно от прошедшего состава. "Это Кармадонов разгул?" - задумался Данилов. - Или он еще впереди? И когда учудит-то Кармадон что-нибудь?" Данилов был уверен, что Кармадон учудит, но теперь он размышлял об этом без тревоги и дурных предчувствий, а лениво и благодушно, словно прикидывал, когда же наконец Кармадон дернет хлопушку за ниточку.

- Мне бы тут жить! - сказал ему Кармадон.

- Где тут?

- Вот здесь, - сказал Кармадон, обвел взглядом стены буфета, - на Земле. Хоть бы и водопроводчиком Колей...

Коля поблизости тут же встрепенулся и запел: "Березовым соком, березовым соком..."

- То есть как? - удивился Данилов.

- А так, - сказал Кармадон и вздохнул. Был он прост теперь и печален. И печаль-то его совсем иная была, нежели четыре дня назад. Тогда Кармадон страдал от собственной слабости, теперь же он был в силе, а вот чуть ли не плакал.

Данилов глядел на Кармадона растроганно, жалел однокашника. Сказал ему:

- Брось!.. Это из-за Синтии. Или из-за Клавдии... Это пройдет...

Глупость сказал, хотя и не совсем глупость. Но что он мог сказать теперь умного? Пьян был...

Тут Кармадон, видимо, спохватился, и компания в бакинском поезде переехала через Оку. Неожиданно сельдь и яйца сменил тава-кебаб, вызвавший нехорошие слова Кармадона. Данилов выпил что-то под тава-кебаб и совсем загудел. Воздуху ему свежего захотелось. Он вдруг почувствовал себя металлическим кружляком - юбилейным рублем или памятной медалью, - приведенным во вращение на гладкой поверхности стола. Данилова все крутило, крутило, он надеялся, что движение вот-вот прекратится и кружляк затихнет, однако движение не прекращалось. Не в бакинском они уже ехали, а сидели на вокзале станции Моршанск-2. И Моршанск-Второй исчез, утонул в снегах с тамбовскими волками или окороками, что там у них тамбовское, и теперь уже минский поезд пустил в свой уют иркутского жителя

Андрея Ивановича и его товарищей. "Зачем мне Минск! - пробормотал Данилов, как бы протестуя. - Нет, сейчас это вращение закончится, закончится!" - думал Данилов.

Кругляк уже бил краями о поверхность стола.

И тут тишина ватой заткнула Данилову уши. Движение прекратилось... Данилов на лыжах стоял в парке или в лесу. Далеко впереди виднелись под деревьями лыжники. Рядом возник Кармадон. И он был на лыжах.

- Все, - сказал Кармадон. - Трапеза окончена. Сыт я. И надолго. Ты-то сыт?

- Сыт... - пробормотал Данилов.

Голова его была тяжелой, однако ноги могли двигать лыжами.

- Теперь пришла пора свидания, - сказал Кармадон. - Здесь мы ее и увидим...

- Я поеду, - сказал Данилов, - я тебе и твоей даме сердца - лишний...

- Подожди, - попросил Кармадон.

"Робеет, что ли, он? - подумал Данилов. - Сыт ведь уже, а все робеет..." Теперь Данилов понял, что они с Кармадоном в Сокольниках. Данилов в эту зиму встал на лыжи впервые, шел по лыжне скверно. Да и лыжня была нехороша,

обледенела, ночью снег чуть присыпал ее, но все равно лыжи скользили словно в ледяных желобах.

- Сейчас мы ее увидим... - прошептал Кармадон. Данилов почувствовал, что Кармадон волнуется. Кармадон поначалу скользил решительно. Но потом взял и свернул влево, пошел по насту и не спеша, явно оттягивая мгновение встречи.

- Ты хоть свидание-то ей назначил? - спросил Данилов.

- Нет, - сказал Кармадон. - Да это и не суть важно... Кстати, она твоя знакомая... Ты на меня не обижайся...

- Что уж тут обижаться-то... - пробормотал Данилов.

- В последние дни я ее вечерами то у театра видел, то у твоего дома. Наверное, она искала встречи с тобой... - сказал Кармадон.

- Что? - поднял голову Данилов. Речь шла не о какой Клавдии.

- А вон и она, - Кармадон ткнул палкой вперед.
- На горке...

На горке стояла Наташа.

- Представь меня ей, - сказал Кармадон. Сказал как приказал.

Редко Данилов терялся, а тут растерялся. Сердить Кармадона он никак не хотел. Данилов неловко подъехал к Наташе, стал говорить ей шутливые, глупые слова, и, что удивительно, она ответила на них с улыбкой и беспечно, будто никаких недоразумений между нею и Даниловым не было. Подкатил Андрей Иванович Сомов из Иркутска, был представлен Наташе, и ему Наташа улыбнулась.

Андрей Иванович выразил сомнение, что вряд ли такая очаровательная девушка сумеет съехать с такой опасной горки. И Наташа тут же съехала. Ловко съехала и красиво, позволила себе сделать крутые виражи, будто спускалась на горных лыжах, эластичный костюм сидел на ней хорошо, и было видно, что тело у Наташи не только музыкальное, но спортивное и сильное. "Неужели и вправду, - подумал Данилов, - она искала встречи со мной у театра и в Останкине? Что же я, дурень, ждал-то?"

Однако сегодняшняя Наташа Данилова удивляла. Он привык видеть её серьезной, порой печальной, теперь же она была веселой, даже озорной. Да Наташа ли это? Как ни стыдно было Данилову, он все же скосил глаза на индикатор. Выходило, что Наташа. И будто бы не играла она сейчас, не дразнила его, Данилова, а находилась в состоянии естественном для себя. Неужели явление

Кармадона так подействовало на нее? Данилов нахмурился. Поддерживать светский разговор с Наташей и Кармадоном он был не в силах и даже чуть-чуть отстал от них, якобы для того, чтобы поправить крепление. "Она ведь кокетничает с ним, а на меня смотрит как на пустое место! Он мил ей!" - думал Данилов. С возмущением думал и с яростью, будто был мавр, а не останкинский житель.

Тут ему явилась мысль. А пусть Кармадон уходит с Наташей, он же отстанет. Так будет лучше для всех. И для Кармадона. И для него, Данилова. И для Наташи. Давно следовало бы прекратить их с Наташей отношения. Лишь по слабости Данилов дружбу с Наташей оборвать не мог. Теперь был случай... На мгновение Данилов подумал, что он боится не угодить Кармадону, вот и приняли его мысли этокое направление. Но опять он заглянул на лыжников и опять взъярился: "Нет, она любезничает с ним, до меня ей нет дела! Ну и пусть! Ну и хорошо! Я и отстану... Скажу, что пойду кормить белок, и все..."

- Данилов, - окликнул его Кармадон, - ты все отстаешь!

- Отдача сильная, - сказал Данилов.

- Ты в мазь не попал! - рассмеялся Кармадон, и, как показалось Данилову, со значением.

- Что же вы так, Володя, с мазью-то! - лукаво улыбнулась Наташа. - А говорили, что лыжи любите, что в Сокольники часто ходили. Вот я и решила в Сокольники приехать...

- Это я раньше сюда ходил, когда у меня время было...

"Она уже со мной и на "вы!" - подумал Данилов. Однако в словах о Сокольниках он уловил некий намек на то, что Наташа, возможно, из-за него нынче здесь.

- Наташа, извините нас, пожалуйста, - сказал Кармадон. - Деловой разговор вам будет не интересен, а я сегодня уезжаю, и мне кое-что нужно обсудить с Володией. Я отведу его на секунду в сторону, вы не обижайтесь...

Отошли.

- Я думаю, - сказал Кармадон, и была в его голосе некая деликатность, - что теперь ты, точно, лишний...

- Нет, - сказал Данилов твердо, - ты ошибаешься.

- Неужели ты решил чинить мне препятствия? - удивился Кармадон. - Ты должен понять, как нужна мне теперь она... Именно она.

- Это исключено, - сказал Данилов.

- Да ты что! Я ведь серьезен сейчас... Я три дня как присмотрел ее. А вышло, будто она мне была нужна давно... Другие женщины мне теперь не нужны... Я уже не слаб, я уверен в себе...

- И я серьезен, - сказал Данилов.

- Что же нам, силой, что ли, придется мериться? - усмехнулся Кармадон.

- Как пожелаешь, - сказал Данилов. - Я не отступлю.

Глаза у Кармадона стали злые и зеленые. Только что он разговаривал с Даниловым как с приятелем, чье упрямство раздражало, но не давало поводов для ссоры. Теперь же Кармадон был холодным исполином, такому - что чувства в жизни мелких тварей! Все же Кармадон пока не буйствовал, держал себя в руках, а ведь соки в нем бурлили после трапез на вокзалах и в придорожных буфетах.

- Ты что, Данилов, - сказал Кармадон, - забыл, кто ты, кто я, забыл о своих обстоятельствах?

- Я ни о чем не забыл, - угрюмо сказал Данилов.

- Стало быть, ты не думаешь о последствиях.

- Я обо всем помню...

- Ну, смотри...

Данилов мог предположить, что намерения Кармадона относительно Наташи искренни, но он подумал, что помимо всего прочего Кармадону интересно теперь испытать его, Данилова, унизить его и подчинить себе, оттого-то любопытство нет-нет, а возникало в злых Кармадоновых глазах. Это было мерзко. Данилов чуть было не ударил Кармадона. Но пощечина привела бы к поединку.

- Хорошо, - сказал Кармадон. - Объяснение считаю законченным. Ты не отступишь. Но и я ее не уступлю.

- Если так, - тихо сказал Данилов, - то ты... то вы бесчестный соблазнитель. И просто скотина.

Данилов снял с правой руки перчатку, насадил ее на алюминиевое острое лыжной палки и подал перчатку Кармадону. Собственно говоря, это была и не перчатка, а вязаная варежка, но Кармадон, подумав, принял варежку. Он был бледен, Данилов слышал скрежет зубов Кармадона, хотя челюсти его и были сжаты, а в глазах Кармадона то и дело возникало фиолетовое мерцание. Данилов боялся теперь, как бы Кармадон не бросил его перчатку - каково

тому было ставить под угрозу не только свое существование, но и свою карьеру! - однако жили все же в Кармадоне понятия о чести, варежку Данилова он положил в карман.

- Завтра утром, - произнес Кармадон и указал вверх: - Там. Условия обговорим с помощью секундантов. Теперь разрешите откланяться и покинуть Землю.

И Данилов поклонился Кармадону.

Наташа спустилась с горки, подъехала к Данилову с Кармадоном и поинтересовалась, не кончили ли они секретничать.

- Кончили, - сказал Кармадон, - и выходит, что мне следует отправляться домой и на вокзал. Иначе опоздаю. Прощайте.

- А я провожу гостя, - сухо сказал Наташе Данилов.

Молча отъехали они от Наташи метров на двести, и тут Андрей Иванович, приезжий из Иркутска, не дождавшись петухов, рассеялся в воздухе.

Данилов побрел к выходу из парка.

Возле хоккейного дворца в группе пожилых лыжников он увидел честолюбивого порученца Валентина Сергеевича.

Валентин Сергеевич кушал мороженое и хихикал.

(продолжение предполагается)

Владимир ОРЛОВ

Шеврикука,

или Любовь к привидению

Роман

(третья часть триптиха "Останкинские Истории":
"Альтист Данилов", "Аптекарь", "Шеврикука")

6

Прежде останкинским мужчинам в утреннем и неотложном состоянии не пришлось бы шагать долго. Принял бы их и исцелил незабвенный пивной автомат на Королева, пять. Но, увы, в восемьдесят пятом году открылось новое внеисторическое сражение с пороком, в результате чего помещение автомата было даровано райотделу милиции. На моей памяти таких государственных сражений происходило много, начинались они всегда с души, с газетных слез матерей и жен, с печалей по поводу подпорченных бормотухой и вражьими

силами народных генов, а заканчивались исключительно повышением цен на сосуды, столь приятным населению. Но кампания восемьдесят пятого года оказалась особенно резвой и отечественно-спасительной. При ней не только повысили в нравственных целях цены, издали "Роман-газетой" тексты тихонравного медика Углова, обрадовали торговлю всех видов, но и вызвали беспредельное производство самогона, всюду называемого, независимо от удач изготовителей, "лигачевкой". А останкинских жителей лишили пивного автомата. Вот теперь наши знакомцы и шагали из Землескреба в Шереметевскую дубраву имени Ф. Э. Дзержинского.

Шагали они в шашлычную. Ни шашлыков, ни опасных для желудка "колбасок", возводимых в меню в достоинство купат, в той шашлычной уже не водилось. Там можно было заказать на закуску песочное печенье, а в случае счастливой торговли - морскую капусту и морское же существо кукумарию. Но зато рядом в зарослях бузины и черемухи обретались дяди Гриши или тети Грани, с ними несложно было порассуждать на предмет самогона, не вынимая из карманов визиток. Шеврикука вовсе не хотел идти в парк, но его уговорили составить компанию. Он даже сопротивлялся, бормотал что-то о делах, но Дударев, нынче самый порывистый и устремленный, удивился: "Какие такие, Игорь Константинович, дела, когда вы на

больничном?" Тут и Шеврикука удивился: экий дотошный и ушастый этот Дударев, всего-то раз он и назвал себя Игорем Константиновичем, а тот удержал в памяти. Насчет больничного Шеврикука и вообще не помнил, что кому-то говорил о нем. Неужели его так разобрало ночью, что он принялся болтать людям про обстоятельства своего существования? Он и согласился пойти в парк с бывшими труженниками Департамента Шмелей, чтобы выяснить, не открыл ли он в загуле о себе чего и похлестче.

Но спутники по дороге в парк особого интереса к его персоне не проявляли. И если Дударев и Подмолотов выглядели оживленными и нечто предвкушавшими, то Свержов и Митя Мельников шагали молча и в печали, а Бордюков, вчерашний песельник, просто плелся. Можно было предположить, что эти пятеро в друзьях прежде не ходили. Возможно, лишь проживание в Землескребе делало их останкинскими земляками, да и разгон Департамента Шмелей сбил их в кучу. Отчего-то Шеврикука вспомнил о домовом Петре Арсеньевиче, хотя после воскресных посиделок сокращение вряд ли тому грозило.

- Ничего, ничего, сейчас поправим состояние, - обратился к Шеврикуке Дударев. - И о деле поговорим. Вы, Игорь Константинович, кто по профессии? Я, возможно, прослушал...

- Смотря что считать профессией, - сказал Шеврикука.

- Да, да! Конечно, конечно! Вы правы! Вот наш прекрасный Бордюков не имеет никакой профессии, а дела делал.

- Не делал, - сказал Свержов, - а портил людям жизнь.

- Это нас сейчас не касается, - махнул рукой на Свержова Дударев. - Так что вы, Игорь Константинович, умеете делать?

- Много, - вздохнул Шеврикука. - Много чего умею делать...

- Ну уж, наверное, не все, - рассмеялся Дударев.

- Вот, скажем, то, что смог бы сделать Митечка Мельников, вы, думаю, не сможете. Он у нас уникальный талант. К тому же из колдунов. По отцовской линии.

- И по материнской! - добавил Подмолотов. - А вот морских узлов вязать он не может!

- Как твоя фамилия? - спросил Бордюков.

- Подмолотов, - сказал Подмолотов.

- Ударение? - спросил Бордюков.

- Подмолотов.

- Не ври!

- Как у наркома иностранных дел. Но с приставкой.

- А ты его лично знал?!

- Я-то? Нигде, ни за что, ни при каких обстоятельствах! Конечно, знал. Мы строим в Бирюлеве, я тогда был в СМУ, он идет мимо, ему девяносто шесть лет, он говорит: ты, что ли, тоже Молотов? Нет, говорю, я Подмолотов. Он говорит: ну все равно, давай выпьем, а у меня стакан в руке, я ему даю, он выпил, говорит:

хороший спирт. Сталин, говорит, дурак, меня не уважал, а Хрущева, дурака, привечал.

- Все ты врешь! - сказал Бордюков. - Ты вот и на Мельникова грешишь, а сам, уж точно, ни одного узла связать не сумеешь!

- Я-то! - рассмеялся Подмолотов. - Это вот Игорь Константинович, возможно, не сумеет.

- Я сумею, - грустно сказал Шеврикука. - Хотя и надоело.

- А наркомов ты не пачкай! - заявил Бордюков Подмолотову. - И на узлы твои мне наплевать. Где у тебя ударение?

- Я Подмолотов. И все.

- Здравствуйте! Ты - Крейсер Грозный! - обрадовался Дударев. - Ты - Крейсер Грозный, и более никто!

- А узлы вы все равно не умеете вязать.

- Умею, - поморщился Шеврикука.

- Неужели и выбленочный?

- И выбленочный. Хотя он и противный. И кошачьи лапки. И удавку. И рыбацкий штык. И еще восемнадцать узлов, о которых вы и не знаете.

- Я не знаю?! - возмутился Подмолотов.

- Да, - сказал Шеврикука, - вы про восемнадцать узлов, на флоте не применяемых, и не знаете.

- Какие такие восемнадцать? - растерялся Подмолотов. - Да я все узлы знаю!

- Я могу назвать и еще тридцать узлов, о которых вы и представления не имеете.

- Никогда, ни за что и ни при каких обстоятельствах!

- Хорошо, - сказал Шеврикука. Он почувствовал, что сейчас начнет врать, фанфаронить и надо себя ограничить. И помнить, кто он есть.

- Ну-ка покажите выбленочный-то! - вдруг потребовал Свержов. - Я вот сейчас шнурки из ботинок выну.

- погоди! - сказал Дударев. - А полы вы, Игорь Константинович, циклевать можете?

- Полы, - сказал Шеврикука, - могу.

- А рубанком?

- И рубанком.

- А чтоб леща вяленого достать в Самаре? - спросил Подмолотов.

- Это не ко мне, - сказал Шеврикука.

- Я вас уважаю, - заключил Дударев.

- И леща не может! - стоял на своем Подмолотов. - И уж тем более не развяжет ртом двадцать девятый узел!

- Двадцать девятый, тридцать первый, тридцать восьмой ртом могу, - заупрямился Шеврикука. - А вот начиная с сорок третьего, извините, исключительно носом.

- Я тебя уважаю! - сказал теперь и Свержов.

- Сорок третьего морского узла нет, - покачал головой Подмолотов. - Сорок четвертый есть, а сорок третьего нет.

- А давайте поедem в "Кот д'Ивуар", - возмечтал Митя Мельников.

- Сколько ты нам положишь? - спросил Свержов Дударева.

- Не меньше семисот. Поначалу. Иначе вы и не прокормитесь, - сказал Дударев. Тут же взглянул

на Шеврикуку: - А вам не смогу дать больше пятисот пятидесяти.

- Я к вам и не собираюсь, - сказал Шеврикука.

- Но-но-но! - погрозил ему пальцем Дударев. - Ишь, уже загордился!

Но уже приблизились к шашлычной. И была тут же обнаружена в зарослях тетя Граня, поход ее за трехлитровой банкой совершался не более двадцати минут. Расселись в воздушном зале шашлычной, день был сухой, не капало, сиделось хорошо. Поначалу молчали, разливали, пили, жевали, фыркали и находили, что стало легче. Похоже, что из Бордюкова, Свержова и Мельникова унеслась тоска, и даже увиделось им некое благополучие в мире и в собственных судьбах. А Дударев и Подмолотов выглядели еще более задорными. Дударев холил расческой коварно-крутые усы, поглядывал, нет ли поблизости каких-нибудь утренних дам, в надежде их развлечь. Но дам не было. А Подмолотов, Крейсер Грозный, явно хотел напомнить публике что-либо из своей вулканической жизни. Шеврикука и выпил всего полстакана, а опять отяжелел. Это было странно.

- Вот так же сидим мы однажды в Эфиопии, - сказал Подмолотов, - крейсер наш посещал с дружеским визитом, и заходят в бар американцы. Они такие же, как и мы.

- Ага! Прямо и такие! - поморщился Свержов.

- Такие же! - заявил Подмолотов. - Может, и еще лучше. Но не хуже. Тем более тоже моряки. Сразу поспорили, чей флот крепче. Естественно, мы их перепили. Очнулся я в госпитале. Но и перед госпиталем я кое-что чувствовал. Мы плыли по Амазонке.

- Ага! По Амазонке! - обрадовался Свержов. - Это какая же Амазонка в Эфиопии?

- Правильно, - кивнул Подмолотов. - Амазонка не в Эфиопии. Она в Бразилии. Нас срочно вызвали в Бразилию. Мы утром там.

- Где Эфиопия и где Бразилия?

- И что! - Подмолотов чуть ли не возмутился. - Под Африкой мы прошли туннелем. Скоростным. Там есть такой туннель. Секретный. О нем нельзя говорить. Но вы люди проверенные. Про Мертвую дорогу слышали? Ну? А этот успели достроить. Не всех сразу отпустили. И вот идем мы, значит, утром Амазонкой. Река дурная! Мутная. И выплескивается в океан. Валы катит. Не пускает. Но кого не пускает? Атомный гигант не пускает! Мы ей пальчиком: не шали, Амазонка! Сразу стала шелковая. Впустила. Но опять видим: дурная. Деревья вдоль нее стоят прямо в воде. Растут друг на друге. Корни у них залезть в глубину не могут, раскорячиваются, зовутся "дощатыми". Доски, а не корни. Во! Хотя и не доски. И все зверье попряталось, засело в лианах. Жулье. И попугаи. Ярких расцветок. Но кое-где все же берег как берег, и на нем поселения. Индейцы голые с пузатыми детьми,

пупки торчат, тысячу лет не видели настоящих моряков. Монтесумы. Затерянный мир. Но вдруг - фазенды. Плантации. Негры маются там и тут. Из-за одной такой фазенды у меня и возникли затруднения.

- Куда вы шли-то? - спросил Мельников.

- А в Парагвай. Там несколько адмиралов русских. И генералов. Из эмигрантов.

- Погоди, - сказал Свержов. - Что на фазенде-то?

- А ничего, - сказал Крейсер Грозный. - Ничего. Идем мы и видим - слева по борту на берегу мужика и бабу привязали к столбам и бьют кнутами. Видимо, рабов. Мужик - негр, баба - белая. Красивая. Молодая.

- Изаура, что ли? - лениво предположил Дударев.

- Какая Изаура? - не понял Крейсер Грозный. - Не знаю - Изаура она или Виолетта. Или Флорелла. А только не по мне, когда женщину стегают кнутом. Я говорю капитану: надо или десант, или из орудия главного калибра. Он мужик вообще-то боевой, но тут русского моряка в нем одолел политик. "У нас государственная задача - Парагвай, мы туда и идем. Только туда. А у этих, возможно, семейные причины. Что вмешиваться? Известно, кто при этом получает в морду. И по заслугам". Ну, я не мог слушать и смотреть. Я как стоял, так и бросился к левому борту и - ласточкой в мутную воду. Дую саженками, а по женщине опять - хлесть кнутом. Думаю, сейчас вы узнаете, почему Крейсер Грозный! И тут на меня в амазонской воде с

боков, спереди, сзади подло напали мелкие сволочи вот с такими зубьями - как иглы в швейной машине. Очнулся я на койке. О чем вам начал докладывать. Лежу завернутый в Андреевский флаг. Где, говорю, я? Вы, говорят, в военно-морском госпитале на пристани Манаус. А как, говорю, она? Как там на плантации? Она, говорят, жива, обложена примочками, плантатор сбежал, фазенда сгорела. А из Сан-Паулу ночью прилетел Пеле, его, правда, мы не смогли к вам пропустить, но он передал цветы. Действительно, на тумбочке, салфеткой застеленной, кувшин с цветами. Васильки, ромашки, львиный зев, зверобой, колокольчики. И сухой лист. Если бы я не был флотским, глаза бы у меня замокрели. Растрогал меня Пеле. Миллионер миллионером, а знает, какие растения мне по душе. Не испортили мужика деньги. Распеленайте меня, говорю, смотайте с меня Андреевский флаг. Смотрать-то мы, говорит, сумеем, но только вы нас не торопите, вы распеленутый, может, огорчитесь. Это отчего же? А, говорят, вы плохо знаете наши природные особенности. Вы, говорят, возможно, об этих подлых пираньях придерживаетесь превратного мнения. А они не только всю вашу суконную форму русского моряка с брюками клеш сжевали, но и еще кое-что. Как, говорю, и главный предмет? Главный-то предмет, говорят, как раз в первую очередь. И что же мне теперь делать, спрашиваю? А это, говорят, мы не знаем. Опять же если бы я не

был флотским, у меня по щеке тихо протекла бы слеза. А они говорят, то, что вы вчера просили, вам пришили взамен. И хорошо пришили. У нас в Манаусе хирурги не хуже, чем в Арканзасе или где-нибудь в Штутгарте. Но если пришитое вас будет тяготить, вы можете его на время отъединить. Вещь съемная. То есть, извините, говорят, конечно, не вещь. Но вы сами просили пришить именно это. И не просили, а требовали. И умоляли. Можно, естественно, посчитать, что вы требовали и умоляли в горячечном состоянии или даже в забытии, но вы убедили нас, что такова ваша мечта и воля. И соблаговолили заверить письменное ходатайство. Вот, пожалуйста, оно. На трех языках. На русском тоже. И ваш отпечаток пальца. Операция проведена уникальная. Ну и сматывайте с меня, говорю, Андреевский флаг. Они потупились. А вдруг, говорят, теперь в моменты слабости вы расстроитесь? Что хоть пришили-то, спрашиваю? Анаконду, отвечают. Какой длины? Одиннадцать метров, экземпляр крупный. Да вы что, кричу, чем же я ее в Москве кормить буду! Это кто - кобель-анаконда или сука? Кобель, успокоили. Вот, говорю, его тем более небось не заставишь жрать мороженный картофель или брюкву. И не надо бы, советуют. Анаконда - змей водяной, конечно, рыскает и по земле, но предпочитает пребывать в струях. Кушает и рыбу, надеемся, что рыба в Москве есть. Ну рыба-то есть, говорю, минтай, хек с головами и без них, мойва. Пока есть. Они

обрадовались, приободрились. Если бы вы не просили сами, говорят, именно анаконду, мы бы ее ни за что не пришили. Но вы объяснили, что вы флотский и змей вам нужен водяной. Другое дело, что вы требовали восемнадцать метров, а где их взять? Экземпляры в семь метров уже большие, в девять - просто огромные. Исключительно из уважения к вашей личности мы отыскивали одиннадцатиметровую донорскую особь, а насчет восемнадцати вы нас чрезвычайно извините. Несмотря на братство народов и дружеский визит, мы оказались бессильны. Ну ладно, говорю, не расстраивайтесь, какого змея пришили, такого и буду содержать. Расчехляйте! Они приступили. Не без волнения. Стали разматывать Андреевский флаг. Торжественно, по протоколу. А анаконда-то почувствовала ослабление режима и зашевелилась. А когда нас с ней окончательно распеленали, она от радости взыграла. Сначала вроде как бы танцевала в воздухе надо мной, в кольца складывалась, а потом выпрямилась в полный рост. Но под углом, потому как мешал потолок. Они попросили, чтоб я не сразу усмирил змея, чтоб хоть полчаса дал ему побыть в полный рост. У них работа, я понимаю. Я их уважил. Но на полчаса. Через полчаса отбой. Велел змею укладываться. Несите, говорю, с крейсера мне брюки и исподнее. Вам, говорят, надо еще лежать и лучше это делать в пижаме. Это моряку-то в пижаме? Ну все равно, говорят, вам

надо сшить особенный костюм с необыкновенными внутренними помещениями. Мне смешно. Какие такие костюмы могут быть лучше черноморских клешей! И нашего исподнего! Принесли. Говорю Анаконде: готовься к размещению. Встаю. Натягиваю клеши. Сопротивляется, гад, но чувствует мой характер и силу тамбовского сукна. Крякнул, но застегнул все, что надо. Ремнем и пряжкой закрепил власть над зверем. Ни на одних флотах нет таких клешей и пряжек, как у нас. И зверь, чувствую, присмирел. Пусть, думаю, недоволен, но привыкнет.

- Ну и где же он теперь? - спросил Свержов.

- Где надо, - сказал Крейсер Грозный.

- погоди, - сказал Дударев. - А функции он исполнял?

- Исполнял, - кивнул Крейсер Грозный.

- По обмену веществ? Или какие?

- Всякие.

- И что же, были охотницы?

- Были?! - хмыкнул Крейсер Грозный. - Мне от них приходилось скрываться. Особенно как дали сюжеты с нами по телевизору. И в кино. В ихних "Новостях дня". Поначалу-то змей и сам хорохорился, гад оказался ненасытный. Он ведь и смазливый, чешуя блестит, гладкая, оливково-серая, по верху два ряда бурых пятен. А морда! Морда смышленная, ноздри раздутые. Одно слово - удав. Какие только дамы не набивались к нам в подруги!

- А ты предпочитал рабынь?

- Для черноморского моряка нет рабынь! Но такие, я вам скажу, находились охотницы и эгоистки, что ради удовольствия готовы были стать проглоченными и переваренными. Может, прежний змей их бы и переварил, но мой был уже флотский. Рыцарь. Никого не сожрал. А только лелеял. Но жрать был горазд. Волокли ему рыбу, птицу, кроликов, мелких копытных.

- И долго вы куролесили?

- Четыре месяца, - сказал Крейсер Грозный. - Ровно четыре. По просьбам президентов, их жен и дочерей командование разрешило мне быть гостем Латинской Америки. Серега, сказал мне адмирал, постарайся. Ты, сказал он, можешь послужить делу укрепления не хуже, чем наши боевые визиты дружбы. Я - руку к бескозырке! Но потом змей устал. И залег в ил.

- В какой ил?

- Во влажный, - сказал Крейсер Грозный. - Эти гады, эти удавы, эти змеи водяные, эти Анаконды имеют обыкновение. Случись засуха, они тут же мордой, а потом и всем телом - во влажный ил. И в спячку. И дрыхнут так, пока не начнется сезон дождей. Ушлые. И мой туда же. Хотя никакой засухи и не было. Устал. Наскучило ему. Укатали сивку крутые горки. Раскланялся я с Латинской и Центральной Америкой и вернулся продолжать срочную службу в Севастополь.

- С Анакондой? - спросил Дударев.

- Со змеем, - успокоил Дударева Подмолотов. - Тем более что он съемный. Я для него завел

чемодан. С дырками. С иллюминаторами. В Крыму он стал зябнуть. Кашлял. Но привык. И опять, гад, пустился в развлечения.

- В Москве ему и вовсе холодно. Небось сюда его и не взял?

- Взял, - сказал Крейсер Грозный. - Закончил службу и взял.

- И он не буянил?

- Сам просился.

- Хорошо, - сказал Дударев. - А если бы тебе пришили не его, а ее?

- Могли бы пришить и ее, - задумался Крейсер Грозный. - Там хорошие хирурги. Она бы давала в год до семидесяти детенышей. В яйцах. А то и больше.

- От тебя?

- Почему от меня? От себя.

- Так-так-так! Семьдесят детенышей! В яйцах! - Дударев воодушевился, достал из кармана блокнот. - Семьдесят яиц в год!

- Да что ты пишешь! - взревел Бордюков. - Кому ты веришь? Этому брехуну?

- Ну и пусть врет! - сказал Дударев. - Слушай и не мешай. И ты, Мельников, слушай. Здесь и для нашего будущего дела есть направление.

Тут Шеврикука чуть было не высказался. И он за все годы трудов в Землескребе не наблюдал каких-либо свидетельств проживания в здании, во дворе его и вообще в Останкино гигантского водяного удава. Но Шеврикука сейчас же сообразил, что лучше молчать.

- Где она? - орал Бордюков. - Предъяви!

- Я не обязан носить змея все время, - сказал Крейсер Грозный. - И нет нужды. У меня у самого восстановилось.

- Может, он ввинтился теперь башкой во влажный ил? - предположил Свержов.

- А хоть бы и в ил, - сказал Крейсер Грозный.

- Но засухи нет!

- Нет, - подтвердил Крейсер Грозный, и глаза его стали чрезвычайно хитрыми. - Засухи нет. Но у него свои резоны.

- Может, он в том, в детском пруду? - спросил Свержов. - Или в пруду, что у Башни?

- Может, и там, - сказал Крейсер Грозный. - Он свободный змей в свободном государстве. Где хочет, там и проживает. Мало ли у нас водоемов. Но я бы на его месте сидел бы сейчас в Ботаническом саду, в Главной Оранжерее. Там пальмы, там бананы, там в воде цветут лотосы и виктории. И всюду порхают амазонские мухоловки.

- Мельников, обрати внимание и на это признание! - сказал Дударев и опять что-то записал в блокноте. Шеврикука был совсем тяжел, веки его склеивались, но при упоминании Оранжереи он встрепенулся, то ли в испуге, то ли в недоумении:

- Анаконда в Оранжерее?

Благоразумие, все еще не погасшее в нем, заставило его немедленно замолчать и не вступать в беседу ни с какими вопросами. Но и испуг, и недоумение не прошли. Бразильский змей невдалеке от привидений? Но вдруг этому

Подмолотову, этому Крейсеру Грозному, известно нечто о привидениях и их доме?

- Идиоты! Жертвы перестройки! - опять заорал Бордюков. - И правильно, что вас сократили и выгнали! Кому вы верите!

- В Департаменте Шмелей, - сказал Свержов, - ты сам много чему верил. И нас заставлял верить!

Крики и протесты Бордюкова были признаны приглашением снова промочить горло и продолжить действие, прерванное визитом дружбы в Эфиопию. Но Крейсер Грозный не мог успокоиться. "Ах, вы не верите! - заявлял он. - А из вас кто-нибудь пил с императором? Никто! А я пил! С императором! С Хайле Селассией! Это настоящий мужик! А этот, который его прогнал, ихний Мариман, Менгисту, — дрянь! Я пил с императором!.."

Потом Крейсер Грозный пытался поведать еще нечто. В частности, о том, что он родился в мешке с цементом и клинкером при Михайловском цементном заводе в Рязанской области. И о том, что уже в четыре года он был кандидатом в мастера спорта по стрельбе из рогатки катышами клинкера, резина же шла на рогатки из противогозов... Но Крейсера Грозного теперь никто не слышал. Пили, галдели, Шеврикуке стало совсем худо, соображал он расплывчато и все же старался не пропустить ни слова про Оранжерею. Однако ни про анаконду, ни про Ботанический сад с прудами и Оранжереей более не вспоминали. Лишь

звучало иногда: "А вы не пили с императором!" И Шеврикука, расслабившись вовсе, заснул.

А проснувшись, растерялся. Сидел он неподалеку от шашлычной под кустами бузины, вблизи нескольких пустых трехлитровых банок и граненых стаканов. Прежние собеседники Шеврикуки пропали, а справа от него полулежал теперь странный тип, дурно пахнувший. Впрочем, во рту Шеврикуки, внутри его всего было так противно, что обращать внимание на чужие дурные запахи или осуждать их было бы неразумно. Новый сосед Шеврикуки походил на карлика с Веласкесовых полотен, голову же его, здоровенную, подпирала шея будто бы раструбом боярского воротника. "Ну что? - спросил карлик. - Пойдем?"

"Куда?" - удивился Шеврикука. "Как куда? - подмигнул ему карлик. - Куда вы предлагали". "А куда я предлагал?" - спросил Шеврикука. "Ну знаете! - теперь уже удивился карлик. - Как же так, Шеврикука!"

И Шеврикуку осенило: карлик - из духов Башни. Или хотя бы от них. Они встали и пошли. Когда дух поднялся, Шеврикука увидел, что тот и не карлик. Уродец точно, но не карлик. Руки и ноги его были от коротышки, но лобастой головой своей он доходил Шеврикуке до плеча. И, возможно, по иным, нежели у Шеврикуки, эстетическим представлениям он и не считался уродцем.

- Пэрст, - сказал дух. - Меня зовут Пэрст. Вы, может, запомняли.

- Запомню, - согласился Шеврикука. - И куда предлагал идти, запомню. Зачем - тем более.
- А я помню, - сказал Пэрст. Возможно, он был просто Перст, но гласную в своем имени возводил достоинством выше, с очевидной претензией, будто намекал на нечто важное, о чем вынужден пока молчать.

Но был он жалок и чем-то удручен, порой его была дрожь, не заметить этого Шеврикука не мог.

- Я во сне, что ли, с тобой разговаривал? - спросил Шеврикука.

- Нет, - сказал Пэрст. - Мы сидели. И пили. С нами и еще были. Но их раздражал исходящий от меня запах. Они затыкали носы. Они ушли. Тогда вы и признались, что вы Шеврикука. Но, может, вы и не Шеврикука?

И Пэрст остановился. Соображение, пришедшее ему в голову, похоже, его напугало.

- Нет. Я именно Шеврикука.

- А я - Пэрст, вы поняли! - обрадовался Пэрст. - Я вам рассказывал!

И последовал повтор, надо понимать, истории Пэрстовых злополучий. Там, на Башне, ему было приказано засесть в капсулу и замереть в ней. Хоть бы и на три столетия. На сколько - не его дело. Закладывали Оптический центр за гостиницей "Космос" и в обстановке пятифлажного митинга, естественно, с непременными взаимоуколами, замуровали в фундаменте капсулу с посланием к потомкам. Башня уже давно рассаживала в капсулы

наиболее важных для города фундаментов своих агентов. Ну не агентов, а неизвестно кого. И неизвестно зачем. Возможно, конечно, с чрезвычайно секретной миссией, в которую мало кто был посвящен. А может, и на всякий случай. Вот и Пэрсту пришла пора засесть в капсулу. Радость грошовая, но приказали. А он кто? Он никто. К концу митинга он вместился в капсулу. Капсула хорошая. Вроде футбольного кубка. Блестела. Из титанового сплава. Послание в пластиковой упаковке в ней уже лежало. Тут Пэрст услышал: главного оратора стали партийно подковыривать. Мол, что - послание. Можно было бы отправить потомкам и ценный подарок. Мол, когда закладывали цирковое училище на улице Расковой, клоун Карандаш бросил в капсулу тысячу рублей, земля ему пухом. Тот, кого подковыривали, рассмеялся. Что потомкам ваши рубли! Мол, мы способны уже катать людей бесплатно в такси, а в будущее отослать платину и бриллианты. Полез в карман и опустил в капсулу подарки. Что-то звякнуло. Вышло эффектно. Аплодировали. Тут капсулу прикрыли мраморной плитой с золотыми словами "Потомкам - в третье тысячелетие!". И к Пэрсту пришел покой.

Но ненадолго. Часа через три двое мастеров, опускавших плиту, ее и подняли. Что-то они слушали на митинге, но невнимательно. Они развинтили капсулу, искали платину, бриллианты или на крайний случай тысячу

рублей и, не найдя их, обозлились. А нашли они четыре пробки от пивных бутылок. В бессильном раздражении они справили на безвинных Пэрста, послание и пивные пробки малую и большую нужду, полили их еще чем-то вонючим и опять придавили мрамором. Капсула была опошлена, и Пэрст посчитал, что имеет право покинуть ее. "Э-э! - подумал Шеврикука. - Теперь тебя и не Пэрстом будут называть, а Капсулой. Если не объявят дезертиром". И Шеврикука вспомнил, что обещал провести Пэрста на фабрику химчистки за Ботаническим садом и окружной дорогой.

Но вместо химчистки они оказались в пивной на улице Фонвизина, где запахи Пэрста-Капсулы выделить из других ароматов кому-либо было недоступно. Шеврикука чувствовал, что его может занести, что сейчас он станет врать, хвастать и важничать. "Подумаешь, анаконды и титановые капсулы с посланиями! Да я эти анаконды! - принялся выступать Шеврикука. И очень громко. - Да я эти анаконды сшибал с деревьев из рогаток! Катышами клинкера! И я пил с императором! Хайле Селассией!" "Какие анаконды?" - не поняли Пэрст-Капсула и свежие фонвизинские собеседники. "А такие! - стукнул кружкой по столу Шеврикука. - Любых размеров и шкур! Резину на рогатки брал из аэростатов! Резал их на полосы садовыми ножницами! Или вот. Из Киева базарят с англичанами, будто те зажилили бочку золота полковника Полуботка, из запорожской казны... Или вот эти чудики со

станции Тайга ищут золотой запас Колчака! А я про такие клады знаю, что!.. Князей Черкасских, например. И ходить далеко не надо. В версте отсюда, в Останкинском парке..." Шеврикука даже и рукой указал, в каком направлении следует идти, чтобы обнаружить в парке клад князей Черкасских. Скептиков, впрочем, разевавших рты, Шеврикука попытался удивить рассказами о думном дьяке Шелкалове, владевшем Останкином после отмены опричнины, тот тоже много чего накопил и кое-где закопал. "Но не под кедрами, - тут же расстроил слушателей Шеврикука. - Не под кедрами. Кедры привез из Сибири уже именно один из князей Черкасских, не скажу какой, ни-ни, не скажу, а князя Черкасские пошли от кабардинского князя Темрюка, и золота имели - во!" Далее Шеврикука свернул к Мечу-Кладенцу, Чаше Грааля, а проявив себя драматическим тенором, пропел: "Отец мой Парсифаль, богом венчанный, я - Лоэнгрин..." Тут его опять сморило...

(продолжение предполагается)

МАНДАЛАЙ

Возле пагоды старинной, в Бирме, в дальней стороне
Смотрит на море девчонка и скучает обо мне.
Голос бронзы колокольной кличет в пальмах то и знай:
"Ждем британского солдата, ждем солдата в Мандалай!
Ждем солдата в Мандалай,
Где суда стоят у свай,
Слышишь, шлепают колеса из Рангуна в Мандалай!
На дороге в Мандалай,
Где летучим рыбам рай
И зарю раскатом грома из-за моря шлет Китай!"

Супи-плат звать ту девчонку, — имя царское у ней!
Помню желтую шапчонку, юбку травки зеленей;
Черт-те что она курила — не прочухаться в дыму;
И гляжу — целует ноги истукану своему!
В ноги падает дерьму,
Будда — прозвище ему.
Нужен ей поганный идол, как покрепче обниму
На дороге в Мандалай...

В час, когда садилось солнце и над рисом стлалась мгла,
Для меня брэнчало банджо и звучало: "Кулло-ла!"
А бывало, что в обнимку шли мы с ней, щека к щеке,
Поглядеть на то, как хати лес сгружают на реке.
Как слоны бредут к реке
В липкой тине и песке,
Тишь такая — слово стынет у тебя на языке
На дороге в Мандалай...

Это было все да сплыло, — вспоминай не вспоминай.
Севши в омнибус у Банка, не доедешь в Мандалай.
Да, недаром поговорка у сверхсрочников была:
"Тем, кто слышит зов Востока, мать-отчизна не мила".
Не отчизна им мила —
Пряный дух, как из котла,
Той земли, где плещут пальмы и звенят колокола
На дороге в Мандалай...

Я устал трепать подметки по булыжной мостовой,
А от лондонской погодки ломит кости не впервой.
Здесь прислуги целый ворох, пьешь-гуляешь без забот,
Дурь одна в их разговорах: кто любви-то ихней ждет?
Жидкий волос, едкий пот...
Нет, меня другая ждет!

Там, к востоку от Суэца, злу с добром цена одна;
Десять заповедей — сказки, и кто жаждет — пьет до дна.
Кличет голос колокольный, и привольно будет мне
Лишь у пагоды старинной, в полуденной стороне
На дороге в Мандалай,
Где суда стоят у свай, —
Мы кладем больных под тенты и идем на Мандалай.
О, дорога в Мандалай,
Где летучим рыбам рай
И зарю раскатом грома из-за моря шлет Китай!

Цитата номера:

**Семь раз
отмерь, а
отрезать дай
другому.**

**Пускай исчезнет среди пыльных груд
Истлевших книг твой вдохновенный труд;
След твоего дыханья
в книге мира
Ни вечность, ни забвенье не сотрут.**

Э. Ананишвили

< И Б И С >

№ 21

Изготовлен в редакторе Word 9.0/2000 USA. Выпускается на личные средства издателя. Соответствует примерно 100 бумажным полосам формата А5 кеглем Arial-11. С иллюстрациями.

Периодичность — в зависимости от наличия высококачественных статей. В виде ZIP-файла с названиями типа "tunn07" (номера с 1-го по 17-й) или "ibis19" (номера с 18-го по...) журнал бесплатно предоставляется на почтовом сервере <http://www.mailru.com> с именем\адресом eugenelev@fromru.com и паролем academia. Там можно выбрать любое количество статей номера, для чего, возможно, потребуется войти на сайт и через опцию "управление файлами" ("file manager") предварительно посмотреть содержание номера (файл "Contents"): для этого он обычно автоматически распаковывается и просматривается. Затем выбрать желаемый файл №... (то есть интересующую Вас статью; а о чём она, там написано) — и его\её себе скачать. Впоследствии для правильного чтения с экрана и просмотра рисунков необходимо (для редактора Word-9/0\2000) установить режим Print Layout View, 75%, шрифт Arial 20 полужирный ("bold").

Приглашаются желающие публиковаться. Гонорары не выплачиваются, но постоянным авторам гарантируется улучшение кармы. С мнением авторов редакция согласна не всегда.

Тел.: (095) 493-54-87 (редактор)

E-mail: eugenelev@fromru.com (редактору)

Адрес в Интернете: <http://www.arimoya.narod.ru>

**"Следует
всеми
силами
продвигать
знания о Тонком
мире."**

(Агни Йога)